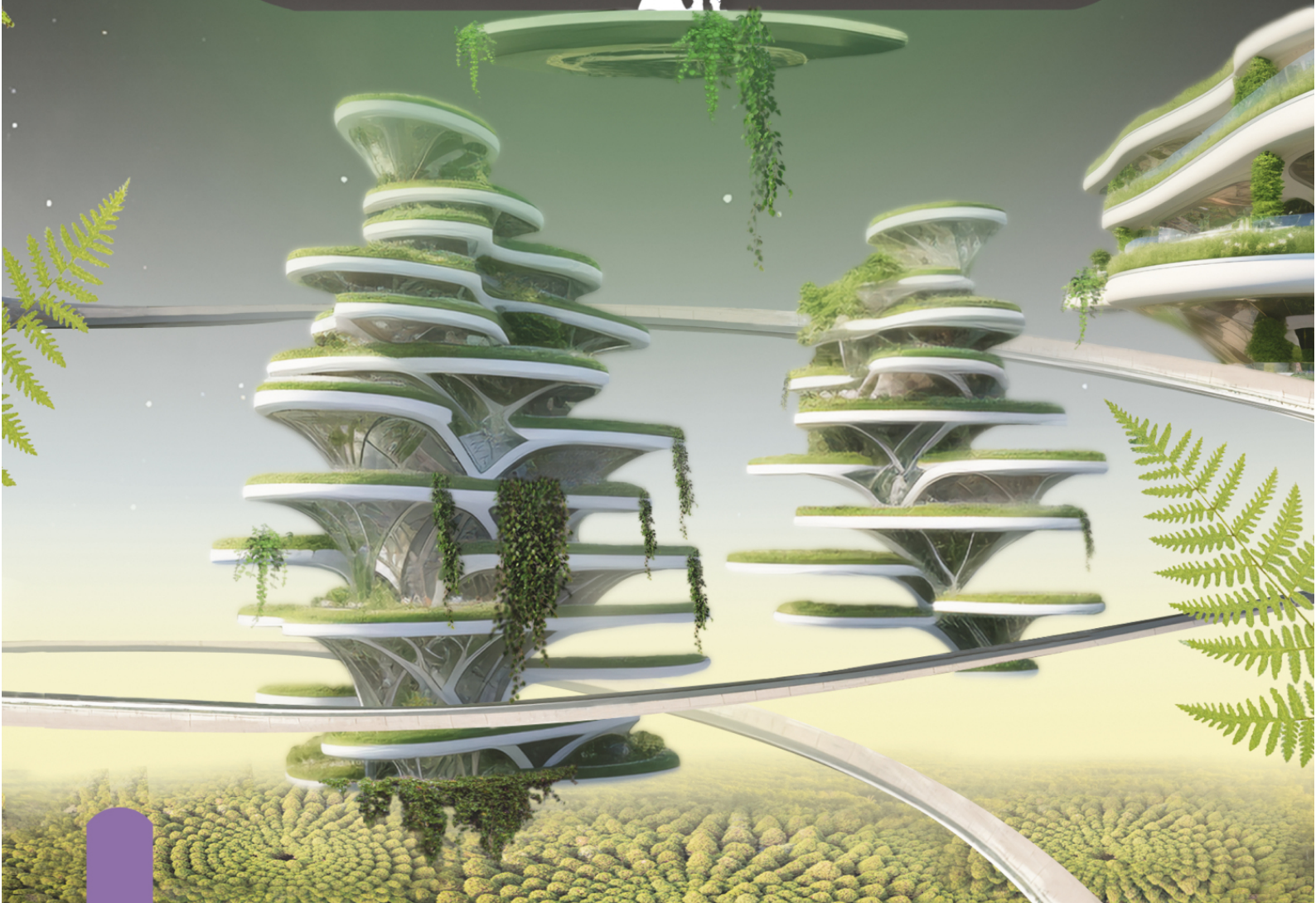


Литрес

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

БЛИЗКАЯ ЗЕМЛЯ



Северная корона

Влада Ольховская

Близкая Земля

«Влада Ольховская »

2024

Ольховская В.

Близкая Земля / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2024 — (Северная корона)

Когда исследовательский корабль не ответил первый раз, это сочли техническим сбоем. Когда в пустоту улетел и второй запрос, на станции насторожились. Третье предупреждение, натолкнувшееся на молчание, привело к тому, что корабль захватили. Вот только упрекать за нарушение протокола оказалось некого. Загадочный корабль-призрак летел через космос в поисках «худшего существа во Вселенной». Теперь команде «Северной короны» предстоит не только выяснить, из-за чего погиб экипаж, но и предотвратить войну, способную унести миллионы жизней и навсегда изменить будущее Земли.

© Ольховская В., 2024

© Влада Ольховская , 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Влада Ольховская

Близкая земля

Глава 1

О том, что корабль полон мертвецов, никто не знал до последнего.

Когда «Текуит» впервые не ответил на запрос диспетчера, никто особо не насторожился. Во-первых, корабли итальятика никогда не отличались техническим совершенством, на таком расстоянии они могли попросту упустить сигнал. Среди инженеров Земли давно ходила шутка, что инновации итальятика сводятся к двум стаканчикам, соединенным веревкой, и никто пока не разобрался, почему эта дивная конструкция работает только на борту – зато не требует аккумулятора! Во-вторых, некоторые итальятика из принципа не учили общий язык и присылали тексты только на своем родном, вызывая у представителей других планет раздражение, которое ни в коем случае нельзя было показывать. Общие правила вежливости гласили, что итальятика не наглые и ленивые, а преданные своей культуре.

Так что начальник станции спокойно отреагировал на сообщение о том, что на его территории проходит корабль итальятика. Ну и пусть себе тащится дальше! Конечно, отсутствие ответа нарушало протокол, но оператору ничего не стоило отметить в журнале, что стандартный ответ поступил, все хорошо.

Вот только корабль не прошел мимо. «Текуит» развернулся в расчерченной звездным сиянием темноте и двинулся к станции. Диспетчеры чуть занервничали и повторили вопрос. Корабль по-прежнему молчал, не снижая скорость. Насторожившийся начальник смены притащил в пункт управления заспанного, ничего еще не понимающего переводчика. Тот отправил сообщение итальятика на их родном языке... А они молчали. Все еще молчали.

Начальнику станции пришлось брать это дело под личный контроль и принимать непростые решения. Он разрешил штатному телепату послать сигнал находящимся на борту («Только как-нибудь осторожно, Марк, а то эти жуки опять развизжатся и о суде заговорят! Мне просто нужно знать, что они там себе думают, несутся мне тут на такой скорости...»). Телепат понимающе улыбнулся и все выполнил... а потом улыбаться перестал.

Он услышал тишину.

– Это еще что должно означать? – нахмурился начальник станции. – Они что, пустой корабль пустили? Грузовой какой-нибудь на автопилоте?

– У итальятика нет полностью автономных кораблей, – напомнил окончательно проснувшийся переводчик.

– Они вечно пытаются что-то сделать своими силами... Если попробовали экспериментировать с автопилотом, могли испоганить уже на стадии проекта!

– Это не обязательно означает отсутствие жизни, – задумчиво отозвался телепат. – В случае с людьми означало бы. Но у итальятика своя специфика, у них есть защита от телепатии, возможно, работает она... У меня, если честно, нет практического опыта проникновения в их сознание, это привилегия высших.

– За каким хреном им закрывать свое сознание от нас? – еще больше занервничал начальник станции. – Мы же якобы союзники!

– Я не знаю... Честно, я ничего не понимаю.

– Ладно, будем смотреть... Когда я говорил, что денек намечается паршивый, я не имел в виду межпланетный скандал!

Начальник станции предпочел следовать протоколу. С кораблем пытались связаться до последнего – но с тем же результатом. Когда «Текуит», все еще безжизненно молчавший,

оказался в опасной близости от станции, его пришлось брать в захват. Это, естественно, повредило автопилот, и все прекрасно понимали, что без разбирательства теперь не обойтись. Но оно будет позже, когда сюда придут представители флота... когда станет ясно, что вообще происходит! Пока же у начальника станции были проблемы посерьезней.

Система просканировала корабль – и ничего не получила. Внутри не было ни звука, ни движения. И мыслей по-прежнему не было... Никто рядом с начальником станции не решался произнести вслух самый очевидный вывод, однако все думали о нем.

Корабль вскрыли, внутрь послали разведывательных дронов, снаружи дежурила боевая бригада. Солдаты оказались не нужны: угрозы не было. Что бы ни произошло на «Текуите», оно закончилось задолго до того, как корабль добрался до станции.

Мертвые итальянка лежали повсюду. Не похоже, что их смерть была простой: они разбежались в разные стороны, искали укрытие, царапали стены в последней агонии. Буроватая кровь вокруг застывших тел давно засохла. Если итальянка были хоть немного похожи на людей, они наверняка страдали. Они метались по этому проклятому тесному кораблю, искали спасение, но спасения просто не было. И вот теперь в дальнем доке разместилось судно, сравнимое с целым кладбищем.

– Мне-то такое зачем... – пробормотал себе под нос начальник станции, вытирая со лба крупные капли пота. Хотелось просто отстраниться от этого, а отстраниться было нельзя. «Текуит» стал бедой, на которую невозможно закрыть глаза, слишком уж она грандиозна. – Не понимаю, от чего они умерли... Выглядит как поле битвы, если честно, столько кровящи натекло... Но с кем они дрались?

– Не думаю, что это была битва, – покачал головой переводчик. – Итальянка не лучшие воины, но и не худшие. Если бы на них напали, скажем, космические пираты, хоть кто-то из этих пиратов остался бы на борту... И была бы красная кровь, а такую дроны пока не нашли.

Из корабля и правда не пахло ни человеческой кровью, ни гниением. Начальник станции даже на таком расстоянии уловил горьковатый, похожий на полынь запах, свойственный крови итальянка.

– И что тогда с ними произошло?

– На болезнь похоже...

– Какую еще болезнь? – простонал начальник станции. – У меня что, весь персонал теперь в опасности?

– Не нагнетайте, – посоветовал телепат. – Пусть медики все просканируют, конечно, но я уже сейчас рискну предположить, что для людей опасности нет. Мы работаем с итальянка больше полувека, но пока не выявлено ни одной болезни, которая поражала бы оба вида.

– Уже лучше... Но какого черта они решили передохнуть прямо возле моей станции?!

– Этого я не знаю, однако при общении с представителями флота рекомендую аккуратней выбирать формулировки.

Флот, естественно, мимо такого пройти не мог. Станцию было приказано закрыть – никого не впускать и не выпускать, но и правду по возможности не говорить. Начальник станции терпеливо выслушивал инструкции и размышлял о том, почему не ушел в отставку при первой же возможности.

Он был бы рад законсервировать корабль, но делать это ему запретили. Тела итальянка было велено собрать в зале с подходящими условиями хранения, они и так слишком сильно пострадали за время путешествия.

– Как по мне, утилизировать и с концом, оставить только парочку для исследования болезни, – угрюмо заметил начальник, наблюдая, как дроны перетаскивают по кораблю массивные туши.

– Их нельзя утилизировать, – возразил переводчик, который раздражающе много знал о культуре Итойи. – Вы удивитесь, но гибель корабля их не оскорбит, а вот если вы тела не вернете, скандал будет гроыхать до самой Земли!

– С чего бы?

– У итальятика особое отношение к жизни и смерти. Тела, даже мертвые, для них драгоценность... Особенно мертвые, если честно.

– И кто вообще придумал назвать этих жуков разумными...

– Они не жуки вообще-то...

Спорить начальник станции не стал. Ему еще многое хотелось сказать об итальятика и их культуре, но язык пришлось прикусить. Он прекрасно помнил, сколько карьер оборвалось в залах суда из-за не вовремя сказанного слова.

Он теперь надеялся поскорее передать это дело флоту, но его неприятности были далеки от завершения. Он понял это, когда один из дронов взвыл высоким тонким сигналом. Начальнику станции не нужно было спрашивать, что это значит, он и так знал. Просто верить не хотел.

А вот переводчик почему-то обрадовался:

– Живой! Кто-то живой все-таки есть!

Начальник станции до последнего надеялся, что это ошибка дрона или какая-нибудь предсмертная агония. Но нет, живой итальятика действительно нашелся. Хотя понятно, почему его не заметили сразу: он был настолько слаб, что едва шевелился, его панцирь и шкуру заливала кровь, отчасти выплеснувшаяся из его собственной пасти, он был холодным – как будто остывшим!

И все же он не умер, да и, похоже, не собирался. Его удалось доставить в лазарет и стабилизировать, благо станция была достаточно крупной и здесь нашлось необходимое оборудование. Начальник даже успел успокоиться, решил, что за такое его могут поощрить... Ну и конечно, проклятый жук снова испоганил ему настроение.

До прибытия представителей флота оставалось не больше пяти часов, когда переводчик сообщил, что итальятика пришел в сознание и хочет срочно поговорить с кем-то из руководства.

– Он не может подождать пару часиков? – хмуро поинтересовался начальник станции. – До того момента, когда перестанет быть моей проблемой!

– Не факт, что у него есть эта пара часиков...

Пришлось идти. Чтобы не оставаться наедине с этим существом, начальник станции взял с собой телепата, от которого все равно не было никакого толку, и переводчика, который и сам рвался пойти.

В герметичном стерильном кубе итальятика казался не живым существом даже, а декорацией из какого-то древнего фильма ужасов... Приборы показывали, что он жив. Но, глядя на его безглазую морду, начальник станции вынужден был постоянно напоминать себе об этом, чтобы не развернуться и уйти.

И он, конечно же, не сдержался, вскрикнул, когда в его сознание ворвался тихий, похожий на шелест сухих листьев голос.

– Мать вашу, – процедил сквозь сжатые зубы начальник станции. – Нельзя так делать! Это разве не запрещено?

– Людям запрещено, – невозмутимо отозвался телепат. – Но итальятика голосом общаться не умеют, только мыслями, так что им можно. Он не со зла, если что.

– Мне он не нужен в голове!

– Его там особо-то и нет: итальятика способны только передавать свои мысли, человеческие они читать не умеют, силенок не хватает.

– Да подождите вы! – возмутился переводчик. – Дайте послушать, что он говорит...

Итальятика, конечно же, болтал на своем скрежещущем языке – то ли специально, то ли из-за травм не мог вспомнить общий. Для начальника станции это был бессвязный набор звуков, в который он все равно напряженно вслушивался.

– Ничего не понимаю! – наконец объявил переводчик.

– А надо бы – мы тебе за понимание платим! – напомнил начальник станции.

– Нет, я не о том... Я понимаю значение слов, но не их смысл.

– Он все время повторяет «юм каах вукубу». Другие слова меняются, а это – нет. Что это значит?

– Это вроде как имя... Ну, то есть, прозвище... «Юм-Каах-Вукубу» на языке итальятика означает «худшее существо всех миров», – пояснил переводчик.

– Он что, говорит, кто их там перебил?

– В том-то и дело, что нет! Он ищет это существо... Он требует позвать к нему худшее существо всех миров! Вот и как я это должен понимать?

– Вы оба удивитесь, но понимаю это как раз я, – усмехнулся телепат. – Я вспомнил, кого итальятика официально назвали худшим порождением Вселенной... И, поверьте, если он заинтересуется этим делом и согласится приехать, вам даже корабль, полный трупов, покажется просто занятным случаем!

* * *

После суда над Альдой команда получила неделю отдыха. Это было необходимо: у них хватало тем для обсуждения. Даже после того, как выяснились истинные причины поступка Лукии, не все оказались готовы легко принять случившееся и двигаться дальше. Именно Альда настояла на том, чтобы они в дни отпуска не бродили по клубам и барам станции, а проговорили все, что нужно.

К тому же самой Альде хотелось покоя. Теперь, когда она окончательно вернула свои способности, расслабиться было проще. И все равно она не могла привести собственное сознание в норму одним щелчком пальцев – даже если хотелось. Ей нужны были дни медитации, просмотра собственных воспоминаний, а иногда – периоды без действий, без мыслей, когда есть только она и человек рядом с ней.

Это было непросто, но это помогло. Семи дней оказалось вполне достаточно, чтобы команда стала если не прежней, то хотя бы единой. Дальше отдых обернулся бы проблемой, совместная работа оказалась куда важнее. Снова погрузиться в миссию, знать, что тебя подстраховывают, решать проблемы, доказывать и себе, и флоту, что «Северная корона» стала сильнее – Альда хотела этого! Да и остальные тоже.

Они получили свою миссию, вернулись к проекту «Исход». Они даже преодолели путь до нужной планеты, причем неблизкий, с двумя прыжками через пространство. Вот только на общем собрании капитан Лукия не стала сообщать им детали задания, а объявила:

– Нам придется вернуться.

– Чего? – растерялся Киган. – Куда? Мы теперь не спасаем колонии, а катаемся?

– Это очень необычно, – растерянно добавил Стерлинг.

– Приказ есть приказ. Миссию по возвращению колонии уже передали другой команде. Сегодня вечером мы должны быть на космической станции, принадлежащей специальному корпусу.

Остальные выглядели растерянными и возмущенными. Капитана, казалось, это странное распоряжение совершенно не задело. Как будто летать на такие расстояния и правда стало новой забавой!

Однако Альда не позволила себе обмануться. Она слишком хорошо знала Лукию, поэтому не упустила настороженность капитана. Что-то пошло не так... Властью отменить назначение даже в специальном корпусе обладали очень немногие.

Телепатка все-таки не выдержала, послала мысленный запрос: «Капитан, разрешите обратиться!»

Она понимала, что Лукия сообщила бы подробности всем, если бы такое было возможно. Раз она молчит, у нее есть причины. И все-таки Альда должна была попробовать, после недавних событий ей стало даже сложнее выносить неизвестность.

Лукия, скорее всего, поняла это, молчать она не стала: «Вы считаете, что заслуживаете знаний больше, чем остальные, Мазарин?»

«Я считаю, что лопну раньше, чем остальные, если не получу их, капитан!»

«Это было бы прискорбно и негигиенично. Но я вас все равно разочарую: приказ, переданный мне, был коротким и не терпящим возражений. Мы должны вернуться немедленно. Но что-то мне подсказывает, что из всей команды вы узнаете правду первой».

Лукия позволила себе лишь этот намек – причем вполне понятный. Альде просто не хотелось верить в такое, она надеялась, что ошиблась, до последнего.

Наивно, конечно. Как только они добрались до пункта назначения, им сообщили, что команде надлежит остаться на борту, на станцию для совещания приглашена только Альда Мазарин. Без сопровождения. Нет, даже капитану нельзя. И легионеру нельзя. Никому нельзя, если он не Альда Мазарин.

Альда понимала, что бояться глупо, но страх все равно был – инстинктивный, мурашками рассыпающийся по коже. Она знала, кто может вызвать ее вот так, да еще и отменив при этом миссию. Но она надеялась, что видеть этого человека ей не придется еще очень, очень долго... А тут и двух недель после их встречи не прошло!

«Он меня убьет!», – жалобно подумала Альда. Телепату, да еще и номеру 11, жаловаться не полагалось. Но в частном порядке можно, она позволила только Триану узнать об этом.

Легионер ее панику не разделял, его мысли звучали так же ровно и спокойно, как его голос: «Не убьет».

«Для него то, что он мой отец, ничего не значит! Он играет со мной, как кошка с мышкой...»

«Драматичные стенания я тебе рекомендую оставить на потом. Вряд ли Валентин Вернон придает такое уж большое значение вашему родству. И при всех особенностях его характера, он в первую очередь лидер отдела телепатии – причем лидер опытный и действительно грамотный. Он не стал бы отменять миссию только для того, чтобы показать, что может. Если он так срочно нас вызвал, ему понадобился ресурс, который ты собой представляешь».

«Да уж... буду уповать на собственную ценность!»

Ей и правда не хотелось идти, однако при этом Альда была рада, что пошла. Такая вот ирония. Страх перед Валентином Верноном, поселившийся в ее душе после суда, мог стать проблемой. Альде нужно было снова встретиться с номером 1, получше узнать его настоящего, только это могло уничтожить всемогущего монстра, нарисованного ее воображением.

Да и потом, она прекрасно знала, что Триан будет чувствовать ее даже на таком расстоянии. Так что она не одна тут, и это совсем не то, что случилось с ней раньше...

Никто ее не охранял и не сопровождал, Альда больше не была пленницей, да и к Вернону обслуживающий персонал станции старался лишний раз не приближаться. Ей просто указали, куда нужно идти. Наверх, конечно же... На один из высших уровней, туда, где располагались элитные апартаменты. В таких обычно селили верхушку Общего Правительства, дипломатов... и особо ценных представителей специального корпуса, которым никто не решился бы сказать, что по инструкции это, вообще-то, не положено.

Вернон не просто получил роскошные апартаменты, он забрал себе весь этаж. Альда почувствовала это сразу, как только лифт поднял ее на нужный уровень. Комнаты, скрытые за белыми дверями, пустовали, источники жизни были сосредоточены лишь в одном зале.

Причем несколько источников, не только Вернон. Сначала Альда решила, что это снова его свита, те странные хилеры, которых она видела на суде. Но осторожная проверка показала, что совпадает лишь один профиль. Рядом с Верноном находились две формы жизни, одной была Тимандра Кресс – хилер, которую Римильда охарактеризовала как «настолько сильную, что это даже неприлично». А вот третий профиль... С ним творилось нечто странное. Вместо обычных человеческих мыслей Альда улавливала лишь размытое гудение, похожее на звук, который возникает рядом с пчелиным роем...

«Ты сканируешь разум так осторожно, будто пытаешься голым задом сесть на кактус с наименьшими потерями».

Голос Вернона ворвался в ее сознание настолько громко и неожиданно, что Альда споткнулась и чуть не упала. Со стороны это наверняка смотрелось так, будто ее начало шатать на ровном месте! Хорошо еще, что никто не видел... Альда уже обнаружила, что камеры на этаже отключены.

Страх, пока что неразрывно связанный с Верноном, привычно мелькнул в душе, но на этот раз не он один. Рядом со страхом полыхнуло раздражение, которое телепатка даже не пыталась погасить.

«Ну а как я должна вести себя? – подумала она. – Садиться на кактус гордо и решительно, чтоб прям сразу всем задом?»

«Вообще не садиться на кактус, а туда, куда тебе угодно. Надо – бери. Ты – телепат премиального уровня, твоя задача – просканировать разум всех, с кем ты будешь взаимодействовать».

«Это, если что, запрещено – лезть в чужой разум без острой необходимости!»

«Ну и что? – удивленно подумал Вернон. – Ты воспринимаешь эти запреты всерьез? Отучайся».

«У меня есть подозрение, что, если я попытаюсь просканировать разум лидера телепатов, у меня потом мозг из носа двумя забавными фонтанчиками брызнет!»

«Кстати, хорошая идея... И второй урок тебе: верно оценивай противника. Но если речь не идет о телепате, который сильнее тебя, научись вести себя смелее. К сожалению, слухи распространяются быстро. Уже половина флота знает, что мы в родстве. Скоро узнает и вторая. Тебе придется вести себя не как обычно, а как моя дочь. Поэтому усвой раз и навсегда: когда тыходишь в комнату, комната должна принадлежать тебе».

Доводы были сомнительные, но спорить Альда пока не решалась. Она еще не научилась отличать провокации Вернона от полноценных советов.

Когда она добралась до нужных апартаментов, дверь открылась перед ней автоматически. Встречать гостью, естественно, никто не стал. Вернон стоял у огромного иллюминатора, который наверняка был гордостью станции, и рассматривал далекие звезды. В белом кресле неподалеку от телепата действительно устроилась с чашкой чая Тимандра, приветливо махнувшая Альде рукой.

Но по ним Альда просто скользнула взглядом, ее внимание оказалось приковано к тому самому третьему разуму, который она сумела распознать лишь как неясный гул.

Сегодня она впервые встретилась с итальяка.

Она прекрасно знала, что это за существо. Итальяка стали первым разумным видом, с которым люди не только пересеклись, но и наладили сотрудничество. В академии им целый курс посвящен был! Так что Альда видела и трехмерные изображения, и видеозаписи.

Но одно дело – картинка, пусть даже объемная, совсем другое – личная встреча... Альда просто замерла перед величественным созданием, позабыла, где она вообще, ради чего пришла.

Итальятика оказался намного крупнее, чем она предполагала. У этого существа было крепкое чуть вытянутое тело с шестью ногами, из которых задняя пара была самой короткой, а передняя – самой длинной. И вот на уровне передней пары ног, в холке, существо уже было выше Альды. Ну а дальше тянулась изогнутая полукругом шея, на которой держалась ромбовидная голова.

Из-за этого можно было сказать, что итальятика смотрел на телепатку сверху вниз... если бы он вообще мог смотреть. Глаз у этого вида не было, большую часть морды занимали пластины брони, среди которых пульсировала, переливаясь рыжим и желтым, объемная мембрана. С ее помощью итальятика выпускали телепатические импульсы, заменявшие им зрение. Это не было телепатией в том смысле, в каком ее освоили люди – итальятика применяли более примитивный вариант, отдаленно схожий с эхолокацией земных животных. На их планете зрение оказалось бесполезным, так уж вышло, но сведения о мире у них все равно были вполне точные.

Броня нарастала не только на морде, но и на теле существа. Это тоже стало наследием древних времен, когда выжить на Итойе было не так-то просто. На ногах броня разделялась лишь над суставами, завершалась она острыми копытами. Казалось бы: с такими конечностями этот вид в принципе не мог ничего построить! Однако Альда помнила, что в каждой ноге под броней есть специальная полость, внутри которой скрывается по три гибких мягких щупальца. С их помощью итальятика обычно взаимодействовали с теми, кого не планировали убить и сожрать.

Этот вид ведь был хищным... чудовищным даже. Когда люди впервые увидели их, они не поверили, что это хозяева городов, возведенных на Итойе, решили, что наблюдают за какими-то сторожевыми животными. Виной тому стала жуткая пасть, занимающая всю шею существ. Она, полная клыков, раскрывалась неожиданно широко, позволяя быстро проглотить даже крупную добычу.

Итальятика были монстрами, теми самыми пришельцами, о которых когда-то снимали фильмы ужасов. Но они же были разумными, цивилизованными и на удивление спокойными. Просто к ним требовалось... привыкнуть.

Для большинства людей главным источником удивления и даже страха становилась внешность итальятика, для Альды же не меньшее значение имел их телепатический фон. То, что они с другой планеты, само по себе не важно – она уже налаживала контакт и с животными, и с разумными представителями других миров. И тогда ей было проще! В случае итальятика их телепатические способности, пусть даже ограниченные, сбивали ее с толку.

И снова резкий голос Вернона, громыхнувший у нее в голове, заставил Альду подпрыгнуть.

«Ты не пялиться на него должна, а искать способ пробиться в его мысли через защиту».

«Не надо так делать, пожалуйста! – возмущенно подумала Альда. – Давайте лучше перейдем к той части, где я узнаю, что здесь происходит!»

Вернон наконец оторвался от созерцания звезд. Он повернулся к Альде и окинул ее таким взглядом, что ей невольно захотелось сжаться и маленьким воздушным шариком улететь куда-нибудь в сторону Сатурна. Да уж, над общением с номером 1 ей предстояло серьезно поработать...

Разговор рисковал стать совсем неприятным, если бы не вмешалась Тимандра:

– Да не зыркай ты на нее так! Можно подумать, если она сейчас умрет от инфаркта, хоть кому-то станет легче.

– По крайней мере, она перестанет меня позорить, – пожал плечами Вернон. – Мертвая дочь намного престижней, чем трясущееся желе вместо дочери.

– Не слушай его, дорогая. Он думает, что умеет шутить.

Тимандра казалась не просто милой – она казалась защитницей, сторонницей, которой можно доверять. Альда не позволила себе обмануться. Римильда ей прямым текстом сказала: все эти улыбочки и сладкий голос – всего лишь инструмент, способ усыпить бдительность. Если ядовитую змею завернуть в шелковый платок, менее ядовитой она от этого не станет.

Впрочем, предупреждения были излишни. Альда прекрасно помнила свою прошлую встречу с хилером без номера. Тимандра точно так же ворковала милой голубкой – и отключила бы телепатке сердце по первому приказу Вернона. Поэтому Альда лишь сдержанно кивнула, искать здесь друзей она не собиралась.

И тут итальятика решил, что выжидал достаточно. Альда впервые услышала его голос – тихий, будто наполненный шелестом, не принадлежащий ни мужчине, ни женщине: на Итойе полов не было.

«Я прошу прощения за то, что доставляю такие неудобства. Мое имя...»

– Нет, – жестко прервал его Вернон. На мысленную речь он не переходил, потому что со слухом у итальятика проблем не было. Некоторые из них принципиально говорили только на родном языке, но этот использовал общую речь. – Все эти рассказы сделают присутствие здесь Мазарин бессмысленным.

– А Мазарин, вообще-то, и не напрашивалась, – холодно напомнила Альда.

– Но сделать себя полезной ей все равно не помешает. Твоя задача – определить его имя самостоятельно. Бонусом будет информация об обстоятельствах, которые его сюда привели.

– Подождите, я...

– У тебя минута, – Вернон демонстративно запустил на главном экране таймер. – Время пошло. Если не сумеешь справиться с чем-то настолько простым, сразу отправишься на «Северную корону», собирать устриц по диким планетам. Мне нужно убедиться, что я оценил тебя правильно.

Задание, которое он дал ей, не было простым, и Вернон прекрасно знал об этом. Гул, выпускаемый сознанием итальятика, был инстинктивной защитой, серьезно усложняющей телепатический контакт. В академии говорили, что преодолеть эту защиту можно, хотя на такое способны далеко не все. И теория тут никак не помогала, гул можно было только чувствовать...

Альда и чувствовала, а что делать дальше – не знала. Она двигалась по незнакомой территории, на которой непонятно, что у тебя под ногами: земля, болото или зыбучие пески. Да еще и вред итальятика причинить нельзя. Да еще и время истекает. И Вернон пялится так паскудно, как будто ничего другого не ожидал!

В какой-то момент Альде захотелось поддаться. Намеренно провалить это задание и уйти, а Вернон пусть делает что хочет. Чем меньше его в ее жизни, тем лучше!

И все-таки она сдержалась. Не только потому, что догадывалась: Вернон способен заметить такие «поддавки» и отреагировать на них неадекватно. Просто в итальятика Альда улавливала что-то тревожное, страшное даже... Он не был угрозой – но он об угрозе знал. В апартаментах номера 1 он оказался не просто так, что-то случилось, и у того, что сюда позвали именно Альду, есть куда более серьезная причина, чем капризы Вернона.

Она постаралась отвлечься от всего, что ее окружало сейчас – презрительно-насмешливого взгляда номера 1, притворного сочувствия Тимандры, чудовища, нависающего над ней... Значение имело только задание.

Что делать, если рядом с тобой гудит пчелиный рой, а тебе нужно услышать слова того, кто стоит по другую сторону улья? Подойти ближе. Прислушаться внимательней. Забыть про страх.

Это и делала теперь Альда. В академии такому не учили – так ведь и она не вчера выпустилась! Она устанавливала контакт с разными формами жизни, и теперь все это ей пригодилось. Она двигалась вперед медленно и осторожно, но двигалась же! Сначала рядом с ней было темно и тихо. Потом пришли образы: гулкие, размытые, с каждой секундой обретающие четкость.

Итальятика, запертые в космическом корабле, испуганные, истекающие кровью. Кричащие без звука – так, что слышат только те, кто рядом, кто тоже страдает. Умирующие. Больше крови вокруг... Разум гаснет. Там, где пульсировала жизнь, – пустота. В этом скрыт ужас, но не скрыто удивление... Они знали, что идут на смерть. Надеялись, что обойдется, но принимали риск и все равно шли. Они бились в агонии, они почти проиграли, смотрите, корабль привез только трупы, все пропало...

Но один выжил. Одного достаточно.

Разум итальятика, открывшись, все же утянул Альду, его воспоминания были на редкость живыми. Ей казалось, что она тоже там... Она даже себя на миг забыла! Она была просто живым существом, наблюдающим за страданиями умирающих. Она легко считывала их боль, и вот уже они не были монстрами, они ничем не отличались от людей...

Наваждение оборвалось, когда снова прозвучал голос Вернона:

– Время вышло. Дверь сама найдешь?

Альда усилием воли развеяла образ залитого кровью корабля, изгнала из легких несуществующий запах полыни и уверенно посмотрела в глаза номеру 1. Страх больше не было – пока не было. Альда не сомневалась, что позже он вернется. Но сейчас она была настолько пропитана чужим страданием, что ее собственные переживания потеряли значение.

– Его зовут Малук-Ахау, – спокойно произнесла она. – Вместе со своими соплеменниками он путешествовал на исследовательском корабле «Текуит», когда на борту разразилась эпидемия. Болезнь была неизвестной и убивала очень быстро. Малук-Ахау стал единственным, кто успел вколоть себе универсальное противоядие. Само по себе это не спасло бы его, но замедлило умирание, позволило дотянуть до станции общего пользования, где ему помогли. Оттуда он попал сюда.

– Куда изначально летел «Текуит» и зачем? – уточнил Вернон.

– Не знаю. Это я посмотреть не успела.

– Скверно. Потенциал у тебя не нулевой, но тебя еще обтачивать и обтачивать, прежде чем из тебя получится нечто путное.

– Ой, отцепись от нее, Вал! – не выдержала Тимандра. – Ты прекрасно знаешь, что девочка только что продемонстрировала куда больший потенциал, чем у любого увальня из первой десятки! Ну, кроме тебя, разумеется. Ты очень талантливый увальень.

– В первой десятке моих детей нет, – напомнил номер 1. – И потребность Мазарин в развитии очевидна, я не собираюсь делать вид, что это не так. Но к ее способностям мы еще вернемся, сейчас есть тема поважнее.

– Это связано с тем, куда летел «Текуит»? – догадалась Альда.

Она прекрасно знала, что итальятика путешествуют неохотно и мало, у них были свои причины как можно реже покидать планету. Если они все же решились на такое, да еще и большой группой, цель у них наверняка была очень серьезной.

«Скорее, не куда, а почему, – уточнил Малук-Ахау. – Вы теперь позволите мне говорить? Или продолжают какие-то испытания?»

– Вперед, вещай, – отмахнулся Вернон. – Необходимое испытание она, будем считать, прошла. Просто если бы Мазарин оказалась недостаточно сильна, чтобы преодолеть гул, толку от нее все равно бы не было. А так... есть с чем работать.

Изначально развитие итальятика, при всем их разуме, сдерживалось двумя основными факторами. Первым из них стала аномальная активность местного солнца, которую они никак

не могли преодолеть. Вторым было разделение на огромное количество племен, увязших в нескончаемой войне. Итальятика все равно не стояли на месте, они многого добились. И все же, когда туда прибыли люди, Итойя находилась на уровне развития, который Земля миновала еще в начале двадцатого века.

Люди предложили помощь и сотрудничество. Итальятика согласились, дураками они никогда не были. Это принесло не только ускоренное развитие, но и долгожданный покой. Одним из главных условий, поставленных землянами, было прекращение межплеменной вражды и отказ от традиций, требующих убивать друг друга.

Зато когда это было выполнено, прогресс устремился вперед. Итальятика получили защиту от солнечной агрессии, построили новые города, полетели в космос. Внешне они были совсем не похожи на людей, но ладили с новыми партнерами отлично. Земляне получали полезные ископаемые, лекарства, технологии. Итальятика же наслаждались мирной жизнью.

Но оказалось, что нравилось это не всем. Даже после войны племена продолжали наблюдать за соседями – просто на всякий случай. И вот несколько лет назад племя Малук-Ахау обнаружило нечто странное.

«Начались разговоры о восстании, – печально сообщил он. – Об отделении от Общего Правительства и ограничении контактов с Землей».

– Потому что Земля такое восстание не одобрит, – указал Вернон.

«Это правда. Поэтому восстание готовилось тайно, много лет... К сожалению, нам удалось узнать о нем только на финальном этапе подготовки. Думаю, все произойдет очень скоро».

– Нам – это кому? – уточнила Альда.

«Моему племени. Нам никакое восстание не нужно. Когда на Итойю прибыли люди, мое племя было среди малочисленных. Мы должны были проиграть. Новые порядки дали нам возможность выжить и увеличить численность, за это мы благодарны. Мы не рвемся к традициям, которые так дороги мятежникам, потому что традиции – это наша смерть».

Восстание скрывали настолько тщательно, что Малук-Ахау не удалось выяснить, какие племена стоят за его организацией. Поэтому он ждал, надеялся получить более весомые доказательства... А потом до него дошло, что он просто теряет время. Час мятежа приближался, должна была пролиться кровь.

Ему нужна была помощь, а он не знал, где ее получить. Данные разведки намекали, что мятежникам удалось наладить контакт с некоторыми представителями Общего Правительства, у них было достойное прикрытие. Если бы Малук-Ахау доверился не тому человеку, это был бы последний разговор в его жизни.

Поэтому после некоторых сомнений он и его соплеменники решились на отчаянный шаг. Они оформили полет на «Текуите» как научную экспедицию, а сами отправились на поиски Юм-Каах-Вукубу. Но судя по тому, что произошло дальше, их план раскрыли. Когда корабль отделился от планеты, в залах и коридорах сработали газовые бомбы, распространившие по «Текуиту» отравляющее вещество. Неведомый враг сделал все, чтобы предупреждение о биологической угрозе не прозвучало раньше срока, однако ему не повезло: Малук-Ахау все же выжил.

– Кто такой этот Юм-Каах-Вукубу? – спросила Альда.

Вернон досадливо поморщился и снова отвернулся к окну. Зато Тимандра широко улыбнулась:

– А это, дорогая, официальный титул, который на Итойе присвоили твоему отцу в день, когда его объявили персоной нон-грата на этой замечательной планете. Если не ошибаюсь, переводится как «худшее существо в мире» или как-то так.

– Ого... А за что такое присуждают?

– Ой, да там много чего было... Из того, что могу вспомнить навскидку: на конференции по культурным вопросам он объявил, что все достижения италятика стоят меньше, чем высер полураздавленной улитки на Земле. Даже и не знаю, почему они не прониклись откровениями!

– Не вырывай из контекста, – потребовал Вернон, не оборачиваясь к ним. – Я просто указал им на их место, когда их делегация попробовала заявлять, что большинство нынешних космических технологий изобрели на Итойе, а земляне их попросту украли. Мы – украли у них, еще не выплативших долг за Кольцо. Я попросил пояснить мне, что мешало развитию великих италятика до прибытия коварных убогих землян.

– Ты не так сказал, – с невинным видом напомнила Тимандра. – Твой подбор слов был столь остр, что чуть не срезал уши всей делегации Земли. А когда италятика попробовали возмутиться, ты их всех за долю секунды телепатически придавил так, что они пикнуть не могли. И вот, знакомьтесь – Юм-Каах-Вукубу!

– Просто они истерички. А для меня это все равно ничего не изменило – телепатам из первой десятки изначально был запрещен въезд на Итойю. Давай, скажи мне, что это не расизм.

– Скажу, что ты своими выступлениями их вряд ли разубедил.

Малук-Ахау тоже был невысокого мнения о сильнейшем телепате среди людей. Но когда пришло время искать союзников, он решил, что откровенная неприязнь куда надежней затаенного коварства. Вернон никогда не скрывал, что италятика ему не нравятся. Он ни за что бы не поддержал их восстание – поэтому ему можно было доверять. Именно к нему и летела делегация на «Текуите», да только не добралась...

Вернон отошел от окна, направился к бару. Насмешливым он больше не казался, скорее, задумчивым.

– Доказательств у всей этой повстанческой бредятины по-прежнему нет, – сказал номер 1. – Но есть обстоятельства, которые я вынужден принять во внимание. Первое и главное из них – это как раз гибель «Текуита». Даже эти насекомые не способны на такое массовое самоубийство.

Альда ожидала, что Малук-Ахау возмутится – или хотя бы напомнит, что он стоит тут и все слышит. Но италятика выносил речи номера 1 с удивительным смирением. Видимо, помощь родной планете была для него намного важнее собственной гордости.

– Вторая причина – то, как были убиты италятика, – продолжил Вернон. – На Итойе полно биологических лабораторий. Официально они нужны для разработки лекарств, но с таким оборудованием болезнь слепить – раз плюнуть. В основном они наверняка создают болезни, направленные против людей, в этом я даже не сомневаюсь. Но то, что у них было такое оружие против своих же, намекает, что перспектива новой войны между племенами не так уж туманна. Ну а третья причина – политическая возня вокруг Итойи.

– Не уверена, что понимаю, – признала Альда.

Вернон снова бросил на нее раздраженный взгляд – будто телепатам высшего уровня полагалось понимать все без лишних слов! Зато Тимандра была способна объяснять вполне спокойно:

– Изначально мы не обращали на дела Итойи особого внимания, но когда прибыл наш уважаемый живучий гость, стали проверять, что там делается, и выяснили кое-что любопытное. У Итойи мощная поддержка в Общем Правительстве. Эта планета получила больше льгот и привилегий, чем любая другая. Нам не удалось найти точную информацию о том, какие товары в последнее время завозились на Итойю, данные противоречат друг другу. Все это не означает, что восстание действительно готовится. Но это дает достаточно причин для проверки.

– И вот тут в дело вступаю я... Как?

– Полетишь и посмотришь, – отрезал Вернон. – Что, так сложно сообразить?

Сообразить было действительно несложно. Теперь Альда понимала, зачем он заставил ее преодолеть гул за минуту. Мысли всех итальтика защищены таким гулом, а когда он повсюду, телепатические способности сбиваются окончательно. Преодолеть это давление способны лишь сильнейшие из телепатов, которых на Итойю благоразумно не пускают.

Так что план Альда понимала – а уверена в нем не была.

– Не очень представляю, что из этого получится... Разве номера 11 достаточно для такой миссии?

– Да уж, умом ты явно пошла не в меня, – вздохнул Вернон. – Да никакой у тебя не номер 11! Выше. Я намеренно занизил твой номер, назначая его, чтобы прыжок от номера 53 был не так очевиден – ну и для таких ситуаций. Телепатов боятся многие, и на первой десятке лежит уйма запретов. Зато номер 11 они по большей части не касаются. К тому же есть еще один важный момент: с тобой мне проще связаться, чем даже с более сильным телепатов, не приходящимся мне родственником. Принцип родительской энергии ты, надеюсь, помнишь. Полагаю, мы сможем наладить общение, даже если ты на Итойе, а я за пределами Кольца.

– То есть, связь у нас будет, даже если итальтика все заблокируют?

– Медленно, но соображаешь, хвалю. Только вряд ли они все заблокируют. Даже если это готовилось давно, подготовка еще не завершена.

– Откуда такая уверенность?

– Иначе они не стали бы подставляться, убивая экипаж корабля. Это само по себе подозрительно, но не навело бы на мысли о восстании, если бы все погибли. Следовательно, заговорщикам, если они есть, нужно больше времени. Твоя задача – отнять у них это время.

– Но если я туда просто прибуду, без повода... Они же от меня шарахнутся, я их не найду!

– А повод у тебя как раз будет.

На Итойе приближался Праздник Единения – годовщина подписания первого договора о сотрудничестве с землянами. В этом году намечался еще и юбилей, поэтому итальтика любезно пригласили куда больше представителей флота и специального корпуса, чем обычно.

Присоединиться к гостям предстояло не только Альде, но и всей команде «Северной короны». Ни о каком личном одолжении Вернону речи не шло, их вылазку уже оформили как полноценную миссию, ради которой их и отозвали с предыдущей.

Весть о том, что она отправится на чужую планету не одна, Альду радовала – но ситуация от этого яснее не становилась.

– Как спецкорпус вообще согласился на это? – удивилась телепатка. – Почему именно мы? Есть ведь команды посильнее!

– Ты думаешь?

Прежде, чем продолжить, Вернон окинул ее долгим взглядом, будто прикидывая, какое место она занимает в его плане. Место оказалось достаточно важным, и он повернулся к Тимандре и Малук-Ахау.

– Погуляйте где-нибудь, – велел Первый.

Итальтика подчинился без вопросов и возражений. Альда чувствовала, как сильно он устал, он и двигался-то с трудом! Судя по всему, сюда он прибыл, как только смог подняться на ноги. Однако никаких поблажек Малук-Ахау себе не позволял, он слишком хорошо помнил, какую цену заплатили его соплеменники за это послание.

В таком состоянии он не осмелился бы спорить с Юм-Каах-Вукубу, так что его смирение стало предсказуемым. А вот то, что так же легко подчинилась Тимандра, удивляло. Альда не могла сказать, что уже полностью разобралась в отношениях этих двоих, но многое она понимала.

Тимандра Кресс была чуть ли не единственным человеком в мире, который общался с Верноном на равных. Она не заискивала перед ним – и не боялась. Но теперь она выполнила

приказ так же безропотно, как Малук-Ахау, и это тоже наводило на определенные размышления.

Когда они с Верноном остались наедине, Альда подошла к бару и наполнила стакан водой с серебром.

– Выбор напитка не одобряю, но то, что ты перестала мямлить и спрашивать разрешение, – шаг в нужную сторону, – усмехнулся Вернон. – Учись вести себя правильно. Но вернемся к твоей команде. Она мне интересна так же, как ты.

– Это я уже поняла. Почему?

– Никто не измеряет боевой потенциал команды как таковой – это просто невозможно, слишком много переменных. Поэтому нельзя сказать, какая команда сильнейшая, какая слабейшая. Но уже очевидно, причем не только мне, что в «Северной короне» сложилась уникальная ситуация.

– Что в ней такого уникального?

– Моя дочь – и дочь самой Делии Этерион.

– Да, с той дочерью я тоже знакома, – буркнула Альда.

– Не умничай, слушай дальше. У твоего капитана номер хоть и посредственный, а потенциал явно недооценен. Я это знаю, я просматривал ее сознание. С вами работает номер 2 хилеров, пусть и временно. Ну и главное, у вас лидер Легиона. Такой команды на моей памяти еще не было.

– У нас не лидер Легиона, а номер 7.

Вернон бросил на нее очередной насмешливый взгляд, который Альда без труда выдержала. В себе она могла сомневаться, в Триане – нет, и от этого становилось легче.

– Ты ведь в это не веришь, – заметил Первый.

– Это факт. Он не нуждается в моей вере.

– Да неужели? Будем и дальше делать вид, что эксперимента с Тео попросту не было?

Вот такого Альда точно не ожидала. Она не сомневалась в том, что Первый бесцеремонно обыскивает память всех, до кого дотянется. Но легионер должен был стать исключением – не из уважения, разумеется, просто сознание легионеров действительно было специфическим, да и определенными способностями к телепатии они обладали. Если бы кто-то из них почувствовал вмешательство Вернона, нарваться на неприятности мог даже номер 1.

Поэтому он и выгнал Тимандру и итальятика – не хотел обсуждать при них явное нарушение...

– Ты думаешь не о том, – объявил Вернон.

– Есть хоть один момент, когда вы не контролируете мои мысли?

– Нет – и не будет, пока ты не научишься ставить полноценную защиту. Приватность мыслей – привилегия, которую нужно заслужить. Но вернемся к твоему легионеру: в его память я как раз не лез, и даже твоя память о нем мне мало что дала. Про эксперимент с братьями Триан я знал задолго до встречи с тобой.

Он не обязан был говорить – и она опасалась, что не скажет. Просто из вредности, чтобы преподать очередной дурацкий урок. Но Вернон умел отличать наносное от по-настоящему важного, он молчать не стал.

– Я понимаю, что ты уже пометила для себя Легион как представительство сил зла. После суда твое восприятие подкорректировалось, но до конца не изменилось. Однако правда заключается в том, что там работают очень разные люди с разным уровнем морали и разными принципами. Одни из них одобрили эксперимент по созданию идеального легионера. Другие были против с самого начала и, когда ситуация обернулась предсказуемой катастрофой, прибегли к моим услугам. Легион готов был заплатить любую цену, которую я назначу, если бы я смог восстановить разум и личность Теодора Триана.

– Но ты не смог?

Ответ был очевиден, и Альда сама не знала, зачем задала вопрос. Просто так получилось, слова сами сорвались с губ. Сейчас Вернон, пожалуй, имел полное право снова посмеяться над ней или разозлиться за обращение на «ты», а он не стал. Понял, должно быть, что она чувствовала в этот момент.

– Нет, я не смог. Это не значит, что я не пытался. Но и я не всемогущ. . . Нечего там восстанавливать. Тео как личности просто не существует, мозг полностью разрушен, там уникальная ситуация. . . А впрочем, не важно. Тебе нужно знать лишь то, что эксперимент мне известен. Как и то, что Триан сдерживает свои способности уже много лет. Но это не делает его слабее, и если на Итойе потребуется защитить тебя, он это сделает. И все же мне бы хотелось, чтобы ты была способна позаботиться о себе сама. Похоже, все-таки придется потратить на тебя время. . . Предупреди свою команду, что вернешься не раньше завтрашнего дня. Посмотрим, что получится из тебя слепить.

* * *

Кошмар возвращался снова и снова. Он охотился за ней, как хищный зверь. Он приходил не каждую ночь – иначе стало бы легче, ведь привычное перестает быть страшным. Но кошмар будто знал об этом, он мог оставить ее в покое на долгие дни, а потом снова вернуться в ее жизнь. И она даже порой понимала, что спит, а легче не становилось. . .

Потому что ей все равно было больно. Она лежала на столе, не в силах пошевелиться, и с ужасом наблюдала, как с ее тела исчезает кожа. Не сгорает разом, как это случилось в реальности, а растворяется по чуть-чуть. С кровью, с болью, с густыми алыми потоками, стекающими со стола. . . И хочется закричать, да не получится: челюсти свело, пошевелиться она не может, только чувствовать, все чувствовать. . .

После кожи растворялись кости. Этого с ней никогда не происходило, но у кошмара свои правила. Она чувствовала, как из ее тела исчезает опора и сила, и всё, и нет ее. Есть только бесформенная грудa мышц и органов, воющая, исходящая слезами и вибрирующим где-то внутри криком. Бывший номер 10 Легиона – а теперь ничто.

Лавиния Бона просыпалась на этом моменте, поспешно ощупывала себя, убеждалась, что и двигаться она может, и кости на месте, и кожа при ней. Рядом с ее кроватью обычно стояло зеркало, чтобы она сразу могла убедиться: ее красота никуда не исчезла. Если бы Лавиния пересказала кому-то этот ночной кошмар, над ней бы только посмеялись. Ну что тут такого страшного? С ней ведь даже ничего не происходит! И она знает, что спит. Нужно только подождать.

Однако доводы разума здесь не работали, Лавиния чувствовала, что ей становится все хуже. Она начала бояться – крови, смерти, беспомощности. . . На новых миссиях она действовала не так решительно, как раньше. Не то чтобы до этого она считала себя бессмертной, но теперь мучения, через которые она прошла на Феронии, становились невидимыми кандалами, и она все больше сомневалась, что сумеет избавиться от них самостоятельно.

Она попробовала обратиться к психологу, но и это не помогло. Лавиния не могла рассказать всю правду, она слишком боялась лишиться своего положения в Легионе. В итоге на сеансах она смеялась сама над собой и делала вид, что проблема не так уж велика. Лавиния всегда была талантливой актрисой, психолог верил ей и тоже не беспокоился.

Она оказалась в безвыходном положении. На миссиях она теперь демонстрировала неважные результаты, все чаще ошибалась. Это грозило потерей десятого номера, а допустить такое она не могла. Пока Лавиния оставалась в десятке, она имела право хоть как-то влиять на задания, у нее была определенная власть. Но чем ниже номер, тем меньше окружающих интересует, что она там думает. . . и вернется ли с очередной миссии.

Ей нужно было выбраться из тупика, заручиться поддержкой, которая позволила бы ей самой диктовать условия, больше не отправляться на опасные миссии, но и не покидать десятку. Цель была намечена, вот только путей к ней не наблюдалось... До того момента, как Лавиния получила приглашение на встречу с Ансаром Фетье.

Это было любопытно, хотя и внушало определенную тревогу. У номера 10 не было никаких общих дел с руководителем научного отдела Легиона. Лавиния, в отличие от того же Рафаля Строма, была самым обычным легионером, не экспериментом каким-нибудь. Да и об Ансаре она не слышала ничего хорошего, поэтому не рвалась встречаться с ним.

И все же она прекрасно знала, что на сегодняшний день это один из самых влиятельных людей в Легионе. Никаких рычагов давления на Лавинию у него не было, он пригласил ее вполне вежливо, и она не нашла причин для отказа.

Они встретились на одной из станций, принадлежащих научному отделу Легиона. Место было то еще – вроде как спокойное и чистое, но обостренные чувства легионера без труда улавливали запах крови и сильнодействующих лекарств в воздухе. Кажется, откуда-то доносились крики... Уверена Лавиния не была, да и проверять не хотела. К счастью, соваться в лабораторию ей было не обязательно, ее сразу же проводили к кабинету руководителя.

Она знала, что Ансару Фетье около семидесяти лет. Но выглядел он заметно моложе – причем скорее моложе разумного, чем просто моложе своих лет. Поговаривали, что он активно пользуется услугами хилеров, и теперь, глядя на его крепкую фигуру и гладкую кожу, Лавиния допускала, что это правда. Он не был привлекателен, в его внешности номеру 10 виделось что-то неприятно хищное, то, от чего хотелось держаться подальше... Она без труда подавила это желание. В гостевое кресло Лавиния уселась с самой очаровательной улыбкой, на какую только была способна.

– Не ожидала такого, признаюсь. Это ведь не просто так?

– Я бы не посмел беспокоить номер 10 просто так, – заявил Ансар с такой искренностью, как будто действительно уважал хоть кого-то из легионеров. – Поэтому я не стану тратить ваше время на разговоры вежливости, перейду сразу к делу. Вы ведь знакомы с нашим номером 1?

– Разумеется – мы вместе выполняли миссию на Феронии.

Упоминание этой проклятой планеты отозвалось в душе отзвуками страха, оставленного тем самым кошмаром. Однако Лавиния не сомневалась: со стороны она выглядела все такой же невозмутимой и уверенной, и в этом была ее маленькая победа.

– И как вам это знакомство? Что вы думаете о Рафале?

– Я... Мне кажется, он хороший лидер. Я была рада познакомиться с ним.

Лавиния понятия не имела, к чему может привести этот разговор, поэтому решила быть осторожней со словами. Но пока глава научного отдела, кажется, был доволен.

– Это хорошо. У нас есть все основания считать, что вы ему понравились. Это не мудро – вы с ним примерно одного возраста, и вы очень красивы, Лавиния. Полагаю, вы симпатичны Рафалю.

Он вполне мог оказаться прав. Лавиния знала, что действительно красива от природы, а после мутации она еще и усовершенствовала себя. И конечно, она заметила, как смотрел на нее номер 1. Она не отказалась бы использовать это, однако потом миссия покатила непонятно куда...

Лавиния смиренно склонила голову:

– Я польщена. И все же какое это может иметь значение?

– Бесконечно важное. Как вы знаете, Рафаль очень молод, он вырос в не совсем обычном окружении, да и потом, мы не можем предоставить доступ в его разум телепатам. Все это ведет к повышенному уровню стресса, с которым Рафалю становится все сложнее справляться.

– И что, я должна стать для него игрушкой-антистресс? – холодно осведомилась Лавиния.

– Ни в коем случае! Я приношу свои извинения, если прозвучало так. Нет, мы бы хотели сделать вас напарниками на следующем задании. Вы будете выполнять миссию, как обычно, но – вместе. То, что вы симпатичны Рафалю, окажет на него терапевтическое действие. Что скажете?

Выдавать липовые извинения Ансар мог сколько угодно, по его взгляду Лавиния прекрасно понимала, что он имеет в виду на самом деле. Рафаль Стром, при всей своей силе, отличался определенной наивностью и эмоциональной уязвимостью. Такому, как он, нужны четкие ориентиры, чтобы устоять на ногах, и влюбленность – отличный вариант. Вряд ли кто-то стал бы настаивать на том, чтобы Лавиния обязательно переспала с ним, но сделаться для него важной она была обязана.

И этот вариант ей очень даже нравился. Хотя Ансар и сказал, что они будут выполнять какую-то там миссию на равных, всем было ясно, что основную часть нагрузки возьмет на себя Рафаль. Задачей Лавинии будет удерживать его при себе, убедить его, что он не один, все хорошо.

Это было то самое положение в Легионе, о котором она так мечтала. Лавиния получала авторитет без особого риска, ей больше не нужно было бояться смерти и тяжелых ранений – и ее это вполне устраивало.

– Вы ведь знаете, что номер 1 мне очень нравится. Поэтому я сочту за честь помочь ему хоть немного.

– Я так и подумал, – кивнул глава научного отдела. – Тогда можно считать, что мы договорились. Ожидайте, как только появится задание, подходящее для вас обоих, с вами снова свяжутся. Ну и конечно... Нужно ли мне объяснять, почему этого разговора никогда не было?

– Какого разговора? – с улыбкой поинтересовалась Лавиния.

Ей нравилась сделка, которую они сегодня заключили, и этого, в принципе, было достаточно. Лавинии следовало просто улететь с этой проклятой, пропахшей кровью базы и ждать сообщения от Ансара. Но любопытство пересилило, и в лифте она нажала на кнопку этажа лабораторий, а не терминала.

В коридоре к ней сразу же поспешили сотрудники, в подобных местах никому не позволялось гулять просто так. Но Лавиния была в боевой форме, да и ее лицо тут наверняка знали, так что замечаний ей никто не сделал.

– Я хочу осмотреть комнату, где проходил обследование номер 1, – заявила она.

– Но... Госпожа Бона... То есть, Десятая... Там же еще убирают!

– Немедленно.

Она не повышала голос, не хмурилась, но ей это было и не нужно. Лавиния умела быть убедительной, когда хотела. Сотрудник лаборатории заметно побледнел и просто кивнул, приглашая ее за собой.

Мысль о том, что Рафаль недавно был здесь и что-то пошло не так, появилась у нее еще в кабинете Ансара. Начальник научного отдела наверняка был из тех, кто презирает интриги, да и связываться с Десяткой ему не хотелось. Должно было произойти нечто очень серьезное, чтобы он согласился на такое, причем недавно, раз Лавинию вызвали так срочно.

Она ожидала увидеть разгромленный кабинет, первый вестник грядущих нервных срывов... Но к тому, что на самом деле скрывалось за дверью, она все же готова не была.

Белые стены покрывали кровавые разводы, которые только-только начали отмывать сервисные дроны. В углу комнаты валялось что-то бесформенное, окруженное багровыми лужами, прикрытое стерилизационной тканью. Рядом со смотровым столом все еще лежало нечто, показавшееся Лавинии осколком винтажного блюда, непонятно как оказавшегося в лаборатории. Лишь подойдя поближе, она разглядела, что это кусок человеческого черепа.

Похоже, положение научного отдела было куда хуже, чем она ожидала... Может, это и должно было напугать Лавинию, а она почувствовала разгорающийся в душе азарт. Если

ей удастся грамотно сыграть на сложившихся обстоятельствах, она станет не просто близка к Первому – она будет его контролировать. Это была слишком соблазнительная награда, чтобы портить мысли о ней анализом возможных рисков. Да, лаборанты нарвались – но они были слабыми и неосторожными... Лавиния не сомневалась, что у нее все сложится по-другому.

Отказываться от сделки она не собиралась.

Глава 2

Ни одна из миссий не проходила для Стерлинга Витте спокойно, а тут все вообще покачилось непонятно куда. Он чувствовал приближение паники, которую пока никак не удавалось подавить. Ну а как иначе, если на этот раз правила нарушала не команда «Северной короны», а весь специальный корпус?

К тому, что на одном с ним корабле летают по большей части разгильдяи, Стерлинг уже привык. Смирился даже. Своим долгом он считал присматривать за ними, порой, если получится, направлять на путь истинный и прикрывать перед космическим флотом. Потому что флот и спецкорпус – это оплот правил и дисциплины, разве нет? Но оказалось, что нет.

Им не должны были доверять такую миссию. У спецкорпуса были отлично обученные шпионы, вот их и полагалось послать на Итойю. А «Северная корона» – исследовательский корабль, его команда обладает навыками, необходимыми для возврата колоний, а не слежки за другими цивилизациями!

Но мнение Стерлинга как обычно никто не спросил, киборгу только и оставалось, что справляться с последствиями. О том, чтобы покинуть команду, он почему-то даже не помышлял, хотя следовало бы. Вместо этого Стерлинг посвятил время полета поиску в общей базе данных хоть каких-то инструкций для шпионских миссий, а главное, информации об Итойе.

Эту планету земляне открыли больше семидесяти лет назад, но некоторое время наблюдали со стороны, не приближались, решали, как поступить. Даже из космоса было видно, что на планете уже разрослись вполне развитые города, и это определенно было аргументом в пользу открытого контакта. Но были и проблемы – например, масштабные битвы между итальтика, которые то и дело заснимали спутники. Или то, что эта цивилизация почему-то даже не пыталась покинуть планету, хотя по развитию технологий приближалась к уровню, когда это станет возможным.

Впрочем, последняя странность получила объяснение довольно быстро. Земная экспедиция, закрепившаяся на орбите, столкнулась с буйным нравом Тлалли – и чуть не поплатилась за это. Почти все разведывательные спутники, привезенные к планете, были уничтожены, да и команде лишь чудом удалось спастись.

«Тлалли» на языке итальтика означало «Солнце». Так они звали звезду, возле которой и зародилась жизнь на их планете. Злую, капризную звезду, которая будто невзлюбила эту жизнь сразу, как только заметила, и с тех пор пыталась уничтожить.

Тлалли была куда активней, чем земное Солнце. Лучшим ее подарком был яркий белый свет, который обеспечивал на Итойе мягкий теплый климат круглый год. Но за это нужно было платить, и платой стали Куалли-Акат – Огненные Волны. Вспышки на Тлалли оборачивались для Итойи полыхающими ураганами, раскаленным воздухом, пожарами и землетрясениями. Случалось такое не часто – но и, увы, не редко. Гнев Тлалли серьезно повлиял на рельеф планеты, сделав его неровным, полным рытвин и покрытых камнями долин, оставшихся на месте раздробленных гор. За долгие годы своих исследований земляне больше не встречали такой звезды.

Повлияли капризы Тлалли и на формы жизни, развившиеся на планете. Флора была скромной, в основном сухой, скрывающейся в пещерах и между камнями. Все, что рисковало цвести на открытом пространстве, рано или поздно выжигалось.

Похожая ситуация сложилась и с фауной. Моря были немногочисленны и неглубоки, земляне даже ставили под сомнение, что жизнь на планете зародилась именно там. Животные и насекомые обитали в основном под землей, на поверхность выходили лишь по необходимости. Птицы как вид не вывелись вообще.

Казалось, что на такой непростой планете разуму не место, однако сложилось иначе. Чтобы защититься от слишком яркого сияния и вспышек на Тлалли, итальятика сформировались слепым видом, способным на ограниченную телепатию. Эта способность позволяла им выживать в любых условиях: строить каменные города, устойчивые к огню, на поверхности, поддерживать развитый лабиринт под землей. Они привыкли к тому миру, в котором живут, другого они все равно не знали, и даже вспышки Тлалли, которые они предчувствовали с помощью телепатии, казались им вполне нормальным явлением. Норма ведь рождается в сравнении... Земляне без труда привыкли к своим суровым зимам, которые любого итальятика вогнали бы в ужас.

Когда земляне наконец разобрались во всем этом, состоялся первый контакт. Нападать на чужаков итальятика не стали, но и соглашаться на сотрудничество не спешили. За долгие годы существования вида война стала их обычным состоянием, одной из основ бытия. Земляне же, предлагая помощь, требовали, чтобы битвы прекратились окончательно.

Сначала это казалось итальятика невозможным. За свою историю племена если и объединялись, то исключительно чтобы идти войной на другие объединившиеся племена. Требование работать вместе со вчерашними врагами казалось им невыносимой диктатурой. Они попробовали торговаться, однако земляне были неумолимы. Инвестировать в планету, где постоянно то драки, то трупы строительную площадку завалили, инопланетяне были не готовы.

Первыми на смену порядка пошли маленькие племена. Их дела были плохи, некоторые находились на грани вымирания. Они впервые выступили единым фронтом – и неожиданно оказались большинством населения планеты. Крупные племена были вынуждены прислушаться к ним, еще раз все обдумать. Когда утих первый гнев, они признали, что Итойя действительно зашла в тупик. Если они хотели развиваться и дальше, им нужны были высокие дома, надежные дороги, постоянный доступ к продовольствию... Словом, все то, что раз в несколько лет уничтожали Куалли-Акат.

Так что первый договор все-таки был подписан. Нельзя сказать, что итальятика резко изменились – нет, на своей планете они по-прежнему жили разрозненными племенами. Но для общения с инопланетянами они построили новые города, общие, и сформировали некое подобие планетарного парламента, в который входили представители всех племен – малых и больших.

С тех пор серьезных конфликтов не было. Да и с чего бы? Свое слово земляне сдержали – и «Северная корона» как раз подлетала к их главному достижению.

Стерлинг ненадолго отвлекся от изучения файлов, он перебрался поближе к иллюминатору, чтобы разглядеть Кольцо – или, на языке итальятика, *Рукумат*. Он прекрасно понимал, что смотрит на уникальное достижение инженерной мысли, такое же неповторимое, как сама звезда Тлалли. Изображения и схемы, хранившиеся в архивах, Стерлинг давно уже изучил. Но все они меркли по сравнению с оригиналом.

Главной задачей, поставленной перед землянами, стала нейтрализация Огненных Волн. И с этим они справились блестяще: построили и запустили обширную систему спутников. Эти устройства, спроектированные специально для Итойи, работали не по отдельности, а единой сетью. Они формировали энергетический барьер, который отталкивал Куалли-Акат до того, как разрушительная энергия добиралась даже до самих устройств, не то что до планеты.

Уже первая сотня таких спутников надежно защитила Итойю от солнечных атак. Сейчас же вокруг планеты единым кольцом парило больше полутысячи устройств – и функций у них заметно прибавилось. Они приглушали слишком яркое сияние Тлалли, болезненное для человеческих глаз, влияли на климат, передавали информацию, проводили разведку. Они же оберегали планету от вторжения – если бы кто-то додумался нападать на территорию, охраняемую космическим флотом. За семьдесят лет дураков не нашлось.

Эти годы стали временем расцвета Итойи. Когда итальятика избавили от необходимости постоянно сражаться с собственной звездой, они продемонстрировали удивительные способности к некоторым наукам – хотя и не ко всем, так что в поддержке землян они по-прежнему нуждались.

Теперь Стерлинг наблюдал за сложными разноцветными спутниками, мимо которых медленно двигался корабль. Они отдаленно напоминали ему звезды – не настоящие, а острокопечные, такие, какими рисуют их дети. Еще почему-то появилась ассоциация с подводными минами, но ее киборг быстро удалил как вредоносную. Кольцо было исключительно мирным изобретением, и контролировалось оно, при всей дружбе и партнерстве, Землей. Просто на всякий случай.

Стерлинг был не единственным, кто наблюдал за Кольцом. Неподалеку стояли Киган Рэйборн и Римильда Фревилл, тоже разглядывавшие спутники. Эти двое теперь уже реже ходили по одному, чем вдвоем. Стерлинг сначала делал им замечания, потом сообразил, что их это только веселит, и далее выражал свое недовольство хмыканьем и закатыванием глаз. Впрочем, он и сам не брался объяснить, какое именно правило они нарушают и почему так делать нельзя.

– Странно, что нас вообще пустили за Кольцо, – заметил электрокинетик, разглядывая спутники. – Я думал, на внешней границе оставят.

– Зачем? Им и контролировать нас так проще, и корабль охранять. Оставишь на внешней границе – и вполне можешь обнаружить по возвращении уголек, заботливо прожаренный Тлалли. Слушай, а ты чего такой мрачный вообще? Заразился кое от кого настроением «Мы не шпионы и поэтому немедленно умрем»?

Стерлинг прекрасно понимал, в чью сторону должна была полететь эта шпилька. Именно поэтому он не отреагировал – много чести! Уходить он тоже не собирался, ему было любопытно, что ответит Киган. Киборг ведь и сам отметил, что электрокинетик, обычно беспечный до слабоумия, настроен с тех пор, как им поручили провести разведку на Итойе.

– Не нравится мне эта миссия, – признал Киган. – Какая-то она... подлая, что ли?

– Опаньки, – присвистнула Римильда. – С чего это?

– Ну, сама посуди... Что есть восстание? Борьба за независимость. Если итальятика действительно хотят освободиться от управления со стороны флота, а мы мешаем этому... Разве мы не загоняем их в рабство?

Тут даже Стерлинг мог бы возразить, однако он не стал. Он теперь смотрел не на спутники, а на отражение Римильды и Кигана в иллюминаторе.

Хилер сделала шаг от окна и внимательно осмотрела спину Кигана. Тот, не ожидавший ничего подобного, на пару секунд замер в растерянности, потом только обернулся.

– Что ты делаешь? – нахмурился он.

– Пытаюсь понять, что у тебя прорежется раньше: ангельские крылья или плащ супергероя.

– Не понимаю...

– А я не понимаю, почему ты вдруг решил взглянуть на мир глазами семилетнего мальчика, у которого все делится на Добро, Зло и порождающих радугу единорогов, – сообщила Римильда. – Ну какое рабство? Какая независимость? Мы вдруг стали страшными угнетателями? Не вопрос. Как только доберемся до планеты, немедленно кого-нибудь изнасилуем и украдем бусы. Правда, насиловать бесполох итальятика – тот еще вызов, но мы сильные, мы справимся!

– Ты издеваешься?

– Насмехаюсь, это другое. А еще даю тебе время голову включить. Если бы итальятика вдруг захотели существовать вне Общего Правительства, никто не стал бы их удерживать. Есть четко прописанные юридические процедуры, которыми они почему-то не пользуются. А знаешь, почему?

– Подозреваю, что мы на них столько долгов навешали, что нет смысла и начинать...

– Правильно подозреваешь, – кивнула Римильда. – Они еще даже за Рукумат не расплатились до конца. При этом на Итойе действует несколько сотен добывающих и исследовательских предприятий Земли. Там рядом с итальтика живут люди. Сейчас чуть меньше десяти процентов населения Итойи – инопланетяне. И вот именно их отбытие и компенсации регулируются в суде, а не решаются вилами и факелами.

– Да, я чего-то подобного и ожидал... Но и это тоже подло. Мы прибыли на правах более развитого мира. Неужели сложно было просто помочь, если мы можем?

Римильда, явно рассматривавшая все это как шутку, наконец перестала улыбаться. Она сделала еще шаг от электрокинетика, скрестила руки на груди. Киган явно уловил перемену в ее настроении, но отступить он, судя по упрямому взгляду, не собирался.

– Знаешь, сколько людей погибло при строительстве Кольца? – поинтересовалась Римильда.

– Да как-то не задумывался...

– А следовало бы. Это изучают в академии, и ты бы знал, если бы слушал лекции, а не проверял, сколько стилусов ты можешь засунуть в не предназначенные для стилусов места. 318 человек, Киган. Инженеров, строителей, операторов дронов. Тлалли только выглядит как сияющий белый колобок. Это опасная тварюга, которой очень не понравилось то, что у нее забрали любимую игрушку. Люди знали, что многим строительство Кольца будет стоить жизни, и все равно не отступили. А знаешь, сколько итальтика погибло при строительстве Кольца?

– Судя по твоему тону, меньше, чем людей...

– И меньше, чем ты думаешь, – кивнула Римильда. – Нисколько.

– Что?.. Как это?

– А так: итальтика очень умные. Они попросту отказались участвовать в строительстве. У нас, говорят, мало опыта и знаний, копытца, вот, щупальца нежные. Да и вообще, сгорать заживо – это неприятно и вредно для здоровья. Уж лучше вы, люди, сами как-нибудь выкручивайтесь! И люди выкручивались. Все самые сложные и опасные проекты на Итойе, связанные с добычей полезных ископаемых и терраформированием, пусть и минимальным, были проведены людьми. И закреплены человеческой кровью. Так что прости мне мои диктаторские замашки, но у нас тоже есть определенные права на эту планету!

Стерлинг согласно кивнул, хотя никто на него сейчас не смотрел. По пути к Итойе он успел прочитать все документы, подписанные семьдесят лет назад. Итальтика давали выбор – и не раз. Если бы они отказались от сотрудничества, земляне не стали бы настаивать, они бы просто улетели. Все вернулось бы на круги своя!

Но эти круги не очень-то нравились итальтика. Поэтому они с готовностью позволили пришельцам улучшить их планету, создать условия, при которых численность населения увеличилась вдвое, при которых перестали навеки исчезать целые племена... А теперь кому-то в голову пришла гениальная идея: почему бы не отнять все готовое? Система-то налажена и работает!

Прежде, чем непривычный гнев разгорелся слишком уж сильно, Стерлинг заставил себя вспомнить Малук-Ахау и его погибших соплеменников. Не все на Итойе обнаглели. Некоторые готовы были отдать жизнь за союз с землянами.

– Ладно, в чем-то ты права, – согласился Киган. – И все-таки... Все понимают, что итальтика никогда не расплатятся с долгами...

– Не никогда. При нынешних темпах добычи полезных ископаемых и торговли на полное погашение долгов уйдет около сорока лет. Не так уж много.

– Смотря для кого! Опять же... Короче, аргументами ты меня все равно задавишь, но и от себя я уйти не могу: не нравится мне, что мы у кого-то отнимаем свободу!

– Свободу? А свободу делать что?

– Просто свободу...

– Просто свободы не бывает, – заметила Римильда. – Есть свобода совершать действия и принимать решения. Так вот, мы действительно ограничиваем свободу итальтика в определенных действиях и решениях. Но в каких?

– На войну указывать будешь?

– Уже указала – ты же понял.

– Но не обязательно, что они вернутся к войне! Они при людях семьдесят лет жили и работали мирно. Я так подозреваю, они увидели все плюсы, зачем им что-то менять?

– Вот именно – при людях. Как только людей не станет, начнутся вопли о возврате к традициям, и тогда первые битвы – просто вопрос времени.

– Думаешь, драться друг с другом – такая уж важная традиция?

– Драться друг с другом – это не цель, это способ достижения цели. Цель – жрать друг друга.

– Что?..

– А ты не знал? – показательно всплеснула руками Римильда. – Ну вот тебе занимательный факт, защитник обиженных и утешитель поруганных: итальтика – каннибалы. И как раз по этой традиции одни из них скучают под тоскливые звуки баяна, а другие, как тот полудохлик, который приполз к Вернону, готовы отдать все, лишь бы «счастливое свободное прошлое» не вернулось!

Киган смотрел на нее с сомнением, он явно не верил. Тут уже Стерлинг не сдержался, он все-таки фыркнул и закатил глаза. Потому что иногда это приходится делать, когда вокруг столько неучей! Хотя что с электрокинетиков взять? Они все такие: при обучении они уделяют время в основном пьянкам и клубам, считая, что сведения о каких-то там планетах им вряд ли понадобятся.

А вот Стерлинг как раз знал, что Римильда сказала правду. Итальтика действительно были каннибалами, пусть и вынужденными. И это сдерживало их развитие, питая войны, точно так же, как гневные атаки Тлалли.

Жизнь на каждой планете зарождается по-своему – и эволюция тоже идет по своим законам. Итальтика были приспособлены к выживанию на планете со сложным рельефом и губительными атаками солнца – их крепкими телами, броней, щупальцами и телепатией. Однако если бы для продолжения рода их самкам требовалось на долгое время тяжелесть, терять силу и ловкость движения, племя долго бы не протянуло. К тому же, как показывали исследования современных итальтика, первые племена жили на значительном расстоянии друг от друга и редко пересекались. Это грозило постоянным кровосмешением и быстрым вырождением, если бы продолжение рода шло по земному методу.

Поэтому природа распорядилась иначе. О том, что такое пол и род, итальтика узнали только от землян. У них же разделение внутри племени было возможно на подвиды с совершенно разными способностями... и судьбой.

Первым из них были, собственно, итальтика. Они составляли абсолютное большинство племени и выглядели примерно одинаково – если не учитывать личные черты или особенности окраса. Изучая земной язык, каждый из итальтика сам выбирал, как его определять – он, она или оно. Это было исключительно предпочтением, часто – просто «игрой в землянина». Биологически у итальтика не было ни органов размножения, ни половых гормонов. Природа создавала их для строительства укрытий и добычи пропитания. Жить итальтика могли долго, до восьмидесяти лет по земному стандарту.

А второй подвид как раз отвечал за продолжение рода. Им стали ацелотты – очень крупные существа, внешне лишь отдаленно напоминающие итальтика – в основном головой, шеей и верхними конечностями. Большая часть тела ацелотты была бесформенной, покрытой

похожими на соты отверстиями, из которых появлялись новые представители итальтика. Ацелотта укрывалась под землей, находилась под защитой племени, которое сама и образовывала, и, выбрав убежище, практически не двигалась с места. Погибали ацелотты исключительно при атаках другого племени или из-за несчастного случая, смерть от естественных причин им не грозила – их тела не старели и постоянно увеличивались.

Чем крупнее становилась ацелотта, тем больше новых итальтика она могла родить... в потенциале. Вот тут и вступал в игру каннибализм. Обычная еда, которую приносили своей прародительнице итальтика, лишь способствовала увеличению тела ацелотты. Для того, чтобы породить новых итальтика, ей требовалось пожирать тела прежних, погибших. Внутри ее странного организма переплетались гены разных представителей племени, позволяя получить новых существ.

Из-за этого и начались войны. Итальтика выяснили, что их собственная ацелотта создаст больше детенышей, которые будут крупнее и сильнее, если принести ей тела представителей другого племени. А уж если удастся захватить чужую ацелотту, племя способно увеличиться раза в два за очень короткий период! В итоге одни племена укреплялись, другие исчезали навсегда.

Именно этому положили конец земляне. Решение о сотрудничестве с ними принимали как раз ацелотты, управлявшие племенами. Тогда их все устраивало, а теперь представителям в прошлом больших племен надоело делить власть с малыми. Они прекрасно понимали, что, если не будет регуляторов из Общего Правительства, баланс сил на Итойе очень быстро сместится.

Вот чего боялись представители малых племен. Настолько боялись, что отправились искать помощи у «худшего существа всех миров». Так что Стерлинг был согласен с тем, что планете нужно помочь. Он другого опасался: что, если неопытные шпионы не справятся с задачей, что-то испортят и станет только хуже?

Ответственность за судьбу целой планеты брать на себя не хотелось. Но Итойя уже мерцала перед ними, такая спокойная, песочно-рыжая, с редкими вкраплениями зеленого и голубого... Они добрались до цели, и обратного пути уже не было.

* * *

Итойя оказалась намного красивей, чем ожидала Альда. Во время путешествия телепатка успела просмотреть только архивные снимки времен первого контакта, когда планета предстала перед землянами чуть ли не каменной пустыней.

Но за прошедшие семьдесят лет многое изменилось. Главную роль тут сыграло, конечно же, Кольцо: когда остановилось постоянное разрушение, итальтика добились серьезных перемен. Для улучшения планеты даже не пришлось применять серьезное терраформирование, оказалось, что Итойя с ее мягким климатом способна на многое. С Земли привезли плодородную почву, в местных лабораториях вывели новые виды растений, и вот уже вокруг городов зеленели леса и сады.

Сами города тоже преобразились. Итальтика наконец-то научились возводить небоскребы – причем по собственной технологии. Они не использовали дерево, которого на планете было очень мало, и камни, которых хватало с лихвой. Вместо этого здания они возводили из рыжеватой итолийской глины, крепкой, надежной, создающей внутри помещений приятную прохладу безо всякого кондиционирования. Из-за этого дома были лишены строгих четких линий, каждый из них, возведенных вручную, был уникален – и формой, и очертаниями. Больше всего они напоминали Альде гигантские термитники, которые на Земле можно было встретить разве что в Австралии. Но даже самые крупные из термитников поднимались метра на три-четыре, не больше. Постройки итальтика уверенно тянулись вверх на десятки метров –

к далекому небу, стальному в разгар дня и зеленоватому утром и вечером. Там, в небе, едва различимой чередой проплывали спутники Кольца...

Сами итальянка оказались таким же примечательным зрелищем, как их города. Одежду они не носили никогда: с их броней она была просто не нужна для терморегуляции, а при отсутствии полов и стесняться им было нечего. Но в последние сытые годы они чувствовали все большую потребность выделяться в толпе, поэтому создавали сложные украшения – ожерелья из металла, сети из драгоценных камней, наборы переливающихся браслетов. Цвета они подбирали отвратительно, но их это вряд ли волновало – насколько могла судить Альда, в их телепатической картине мира цвета и не было никогда.

Несмотря на весь прогресс, жить вместе разные племена так и не научились. У каждого из них был свой город, в котором размещалась ацелотта. Для общения с инопланетянами построили Чиракану – столицу Итойи. Тут располагалась большая часть посольств и культурных центров, здесь же заседал парламент. Прибыть в Чиракану могли представители любого племени, а вот ацелотты сюда не совались никогда. Впрочем, в новых условиях они становились поистине гигантскими, так что путешествия их не привлекали.

Гостей поселили в отеле – одном из причудливо изогнутых небоскребов, увитых цветущими лианами. Комнаты внутри здания тоже были лишены острых углов, даже окна оказались круглыми.

К одному из таких окон подошла Альда. Ее поселили на верхнем этаже, и вид на Чиракану открывался дивный – горизонт, исчерченный линиями зданий, повсюду цветы и гирлянды в честь праздника, дальше – невысокие сады из остролистных деревьев. В городе царил оживление, на праздник съезжались очень многие. Казалось, что все счастливы и предвкушают несколько дней торжества... Но Альда сильно сомневалась, что всё действительно настолько просто.

С тех пор, как команда пересекла черту города, телепатку не покидало дурное предчувствие. Оно, скорее всего, было выстроено на витающих в воздухе мыслях и эмоциях, которые следовало истолковать, чтобы получить полноценное предупреждение... А у телепатки ничего не получалось.

Гул оказался куда более серьезным испытанием, чем она предполагала. Тогда, в апартаментах Вернона, ей удалось преодолеть преграду за минуту. Это дарило определенную надежду, заставляло верить, что все будет хорошо... Зря, конечно. Если бы читать мысли итальянка действительно было так легко, сюда не пускали бы никаких телепатов, а не только первую десятку.

Сознание одного итальянка гудело, как пчелиный рой. Сознания десятков тысяч порождали оглушительный гул, с которым Альда пока ничего не могла поделать. Он не просто звучал, он проникал ей прямо в сознание, и появлялось ощущение, что внутри черепа ползают гигантские шершни. Хотелось избавиться от них, выгнать, еще лучше – раздавить... Но ведь ее задача состояла не в этом!

Альда пыталась пробиться через гул, но пока это обернулось лишь серьезной головной болью. Спасти от этого получалось только полным телепатическим блоком – который окончательно лишал ее возможности разобраться, что происходит на Итойе.

– Мелкая, у тебя все в порядке?

Голос Триана, прозвучавший за спиной, не удивил и не напугал. Да, Альда была отвлечена на попытки пробиться через гул и прочитать хотя бы часть мыслей итальянка. Но она перестала бы себя уважать, если бы после всех недавних испытаний не сумела удержать контроль над ближайшим окружением.

Она уловила момент, когда Триан пришел в ее комнату, просто не захотела отвлекаться. То, что он у нее за спиной, телепатку не волновало – ему она доверяла больше, чем себе. И то, что он без труда распознал ее беспокойство, лишь доказывало, что не зря.

– Я ничтожество, – грустно объявила Альда, возвращая на место телепатический блок. С такой мигренью она бы все равно ничего не добилась.

– Ты начала интересоваться ролевыми играми?

– Не смешно! Я вполне настоящее, аутентичное ничтожество.

– Разубеждать тебя я не буду, потому что это явно каприз, а капризы тебе не идут, – пожал плечами Триан. – Но о причинах спрошу. Что случилось?

– Я не могу пробиться через гул... А это необходимо! На общем фоне я улавливаю и страх, и агрессию, тут точно что-то происходит... И это может стать опасным прямо сейчас, не для людей вообще, а для нашей команды, которую я должна защитить – и не могу... Так разве мой вывод не очевиден?

– Защищать команду – не твоя работа, а моя, – спокойно напомнил легионер. – Твоя работа – следить за телепатическим фоном по мере возможностей. Последние три слова мысленно подчеркни.

– Вернон бы наверняка уже преодолел гул!

– Скорее всего. Потому что Вернон – уникальный телепат, который за свою силу заплатил жизнью, если называть вещи своими именами. Что он сказал тебе насчет гула?

– Что если я его преодолею, то дальше мне будет проще работать с сознанием итальятика.

– Если или когда?

– Когда, – признала Альда. – Он был уверен, что у меня получится.

– Этого тебе должно быть достаточно.

– Зато я не уверена! Я пытаюсь, пытаюсь, но пока – вообще ничего...

– Ты не решила задачу высшего уровня за час? Действительно, трагедия. Но учти вот что... Никогда не позволяй себе обмануться тем, что Валентин Вернон – твой отец. Он тебя не любит.

– Умеешь подбодрить!

– За ложью не ко мне. То, что он тебя не любит, – в данном случае преимущество. Он оценивает тебя без лишней сентиментальности. Если он считает, что ты способна преодолеть гул, так и есть. Просто дай себе время.

– Я не уверена, что оно у нас есть – время это...

Даже через гул Альда почувствовала, что их появление вызвало серьезный эмоциональный отклик среди итальятика. Похоже, команду специального корпуса тут не ждали до последнего... Может, даже пускать не хотели, но не нашли повода отказать.

Реакция будет, это без вариантов. Вот только какая? Даже при том, что подготовка к восстанию наверняка не завершена, появление команды может стать тем самым камешком, который сдвигает лавину.

И если это произойдет, последствия вполне способны оказаться кровавыми. Альда сразу обратила внимание на то, как много на улицах Чираканы людей. Они привыкли к этой планете, многие жили здесь годами. Они перестали замечать, насколько человек, пусть даже самый рослый и крепкий, меньше любого из итальятика, как он уязвим... Если начнется бойня, сколько жизней будет потеряно? Даже если планету удастся отстоять...

Хотя нет, не может быть все настолько страшно. Альда разделила собственные мысли, запрещая воображению рисовать бурные потоки крови на улицах. Даже сквозь гул она улавливала разные послания. Далекое не все итальятика знали о заговоре и восстании, можно было не сомневаться в этом.

– Если сведения верны и восстание все-таки будет... Что самое страшное, что может произойти? – спросила Альда. – Своей армии, насколько я знаю, у Итойи нет...

– Единой нет. Свои армии сохранили только отдельные племена. Предположим, что в рамках мятежа некоторые из них договорились и готовы создать единую армию. Даже так

это будет не быстро – племена находятся далеко друг от друга географически. Пока они будут перемещаться, их не так сложно уничтожить.

– И до Чираканы они не дойдут?

– К Чиракане их могут не подпустить даже близко, – ответил Триан. – Как показал опыт Малук-Ахау, не все племена готовы поддержать восстание. У них тоже есть армии. Если все действительно сводится к войне по старой схеме, речь идет скорее о внутреннем конфликте, чем о восстании.

Он не стал добавлять, что как раз по этой причине все вряд ли сводится к ставке на армию. Итальятика наверняка припасли какой-то козырь... Но какой?

– Стефан говорил, что приближается какая-то война, – тихо признала Альда. – Но... это же Стефан, с ним никогда не поймешь, где адекватность, а где до пятисот интриг в секунду!

– Справедливо. Хотя тут он, вероятнее всего, был честен с тобой.

– С чего бы ему быть честным со мной?

– Потому что при нынешнем положении вещей в федерации планет война возможна только при предательстве изнутри, от внешней угрозы мы защищены хорошо, – пояснил Триан. – Есть лишь одно чувство, которое в мире Третьего способно затмить его любовь к самому себе: ненависть к предательству. Именно поэтому возможная война его по-настоящему беспокоит.

А предотвратить эту войну можно было лишь знанием всех подробностей... до которых никто не мог добраться.

Альда сняла блок, снова пытаясь пройти через гул и дотянуться до мыслей итальятика. Напрасно, конечно. Это обернулось подобием телепатического удара самой себе, и она была вынуждена прекратить, когда из носа скользнули первые капли крови.

– Достаточно, – сказал Триан. На приказ это было не похоже, и все же Альда не сомневалась: больше пробовать пробиться через гул он ей не даст, даже если для этого придется отвлекать ее весь день. – Тебе нужен отдых. Если я правильно оцениваю способность телепатов к самовосстановлению, не менее трех часов.

– Да уж... А после этого начнется фестиваль?

– Да. Мы все приглашены.

Праздновать то самое единение с землянами, которому теперь грозила опасность, на Итойе готовились десять дней. Открывал все сегодняшний фестиваль, за которым следовала череда концертов, встреч, соревнований даже... и атака могла произойти на любом из них.

Альда не собиралась пока пробиваться через гул, знала, что это бесполезно. Но думать о возможном восстании не перестала. На Итойе есть отряды охраны, связанные с добывающими предприятиями. Есть парочка военных баз. В небе постоянно кружит Кольцо, подчиненное Земле. Итальятика обо всем этом знают. И все же опасность велика, они готовились много лет, они все учли... У них наверняка есть оружие – о котором шпионы других племен ничего не выяснили.

При любом раскладе Альда наталкивалась на одни противоречия, но опыт предыдущих миссий показывал, что большой беде это обычно не мешает.

Незадолго до начала фестиваля капитан через Альду распространила приказ: на праздник они все должны явиться в парадной форме. Эта версия была одинаковой для всех: металлически-серебристой с тонким золотым узором, никаких отличительных знаков, только символ специального корпуса. Она была такой же крепкой и удобной, как обычная форма, просто выглядела нарядней.

Решение оказалось удачным. Это гражданские считали, что парадную форму спецкорпус разработал для красоты. Во флоте прекрасно знали, что у нее есть куда более важное преимущество: она скрывала, кто какими способностями обладает. Похоже, Лукия решила, что сейчас им лучше сообщать хозяевам праздника как можно меньше.

Отмечать единение собирались по всему городу, ближе к вечеру на улицы высыпали тысячи нарядно одетых людей и увешанных украшениями италятика. А вот почетных гостей доставили к зданию, которое италятика гордо именовали Дворцом Единения. Оно тоже было создано из глины по принципу «термитника». Но если небоскребы тянулись вверх, то дворец раскинул широкие рыжеватые крылья на внушительное расстояние. Вокруг него пестрели цветы, на стенах были выложены картины и надписи из живых лиан. Окна в этом здании тоже были огромными, часто – на всю стену. Дворец, пусть и уступавший по высоте небоскребам, располагался на возвышенности, поэтому оттуда открывался великолепный вид на город.

Других представителей спецкорпуса среди гостей не было, это Альда отметила сразу. Да и команду «Северной короны» тут вряд ли ждали, но Вернон умел быть настойчивым. Основной же массой гостей со стороны людей оказались представители деловых кругов – компаний, которые вели бизнес на Итойе. Военные тоже присутствовали, но в основном почетные представители и специалисты по связям с общественностью, действующих офицеров Альда не увидела.

Ну и конечно, такое событие не могли оставить без внимания высокопоставленные италятика. Те из них, что имели отношение к парламенту, носили крупные медальоны с выгравированными символами племен. Ролей других италятика Альда не знала, но отмечала, что некоторые из них похожи друг на друга – цветом или отдельными чертами, такие предпочитали держаться вместе.

Гостей развлекали, как могли – в центре зала танцевала большая группа италятика, украшенных цветами, и движения шестиногих существ завораживали. В углу устроился оркестр с местными инструментами. В соседнем помещении был накрыт стол для всех желающих.

Альда для приличия походила между группами, кивнула всем, кто смотрел на нее или поворачивал в ее сторону лишенную глаз морду. Когда к ней привыкли, телепатка снова отошла в сторону, затерялась среди грандиозных букетов с колючими цветами джуни и сосредоточилась на своих способностях.

Гул за прошедшие часы приятней не стал, но теперь Альда не рассеивала внимание по всему городу, а сконцентрировалась только на тех, кто находился во дворце. Из них половину можно было смело отместить – мысли людей ее пока не интересовали. Ей требовалось преодолеть гул мыслей не самой большой группы италятика, и это наконец-то начало получаться.

Они думали на родном языке – но иначе и быть не могло. Тут Альде как раз помогло обучение Вернона: до начала миссии он заставил ее скопировать код языка из памяти Малук-Ахау, так что теперь она легко понимала италятика. Альда воспринимала не только настроение и эмоции, она считывала обрывки мыслей... И мысли эти ей не нравились.

Опасно, слишком опасно...

Он сказал или нет?

Они подсунили нам эту девицу, как намек...

Никто не отступит! Слава Итойе!

Все это было очень плохо. Кто-то размышлял о восстании с холодным спокойствием профессионала. Но кто-то срывался в истерику, заглушая страх фанатичным, чуть ли не религиозным рвением – при том, что религии как таковой на Итойе не существовало.

Это могло привести к чему угодно... и точно ни к чему хорошему. Держаться за аргументы о том, что у италятика нет ресурсов для восстания прямо сейчас, больше не получалось. Что-то уже начало происходить, что-то очень плохое... Альде было плевать на все риски и угрозу собственной репутации, она должна была предупредить о творящемся здесь капитана и Триана. Праздник необходимо прервать, а людей эвакуировать, срочно...

Ей повезло в том, что команда «Северной короны» не разбрелась по залу. Не похоже, что они беспокоились, просто предпочитали держаться вместе. Альде оставалось только добратся до них... А она не успела.

То ли дело было в том, что ее поспешное сближение с командой заметили, то ли просто так совпало – узнать наверняка ей было не суждено. Музыка в зале оборвалась, из колонок, скрытых под потолком, вырвался резкий высокий звук, заставляющий и людей, и многих итальятика болезненно поморщиться.

Реального вреда он никому не причинил, да и не должен был. Его запустили лишь для того, чтобы привлечь всеобщее внимание. Люди, пока не ждавшие подвоха, возмущенно посмотрели на сцену – где уже стоял один из итальятика. От Альды не укрылось ничего: ни то, что он снял символ своего племени, ни отряд вооруженных винтовками солдат, окружавших сцену по периметру.

«Мое имя Хапикерн-Тохил, – невозмутимо объявил в сознании всех собравшихся итальятика на общем языке. – С этого дня и до окончания переговоров я отвечаю за взаимодействие с кабракан».

И одна лишь эта фраза говорила о многом. Альда уже успела выяснить, что слово «кабракан» использовали немногие итальятика, остальные считали его оскорбительным. Потому что оно не просто обозначало инопланетянина, а намекало, что он во многом уступает жителям Итойи и никогда не будет равен им.

– Что здесь происходит? – нахмурился один из торговцев. – Это такое шоу? Крайне неудачное, должен признать!

Прежде, чем ответить, Хапикерн-Тохил повел в воздухе щупальцем, подавая кому-то сигнал, и в зал из служебного помещения поспешили вооруженные итальятика, много, с символами разных племен... Альда чувствовала, что некоторые из них напуганы, некоторые нервничают, многие злятся... Но отступить не собирался никто.

«Нет, это не шутка и не шоу, – ответил итальятика. – Кабракан использовали нашу планету слишком долго, превращая итальятика, пусть и мягко, в своих покорных слуг. Достаточно! С сегодняшнего дня Итойя возвращает себе свободу и разрывает всякие отношения с Землей. Ну а вам всем предстоит остаться заложниками, обеспечивающими спокойное возвращение независимости, – или заплатить, если ваши сородичи там, наверху, попытаются нас остановить».

* * *

Заполыхала разом вся планета.

Ракеты, запущенные без предупреждения, смели с поверхности немногочисленные военные базы, принадлежащие Общему Правительству.

Посольства Земли и других планет были захвачены. Охрану убили на месте, даже тех, кто и не помышлял о сопротивлении. Дипломаты, их супруги и дети, видя изуродованные, окровавленные трупы солдат, не думали ни о спорах, ни о возмущении.

Представительство специального корпуса накрыли ракетным ударом, а потом сожгли руины с помощью дронов-чистильщиков. Выжить не позволили никому. Людей со способностями тут не понимали и опасались.

Группы захвата ворвались даже в культурные центры других планет. Где-то им удалось захватить контроль без боя. Где-то они все же натолкнулись на сопротивление – бессмысленное, безнадежное, питавшееся скорее гордостью, чем желанием победить. Из Центра Культуры Холинсу, например, повезли к крематорию двенадцать трупов. Это, конечно же, ничего не изменило.

Неспокойно было и в небесах. Ближайшую станцию общего пользования с ее немногочисленным персоналом захватили без труда. Одни военные корабли взорвались. Другие вернулись к космическому флоту на автопилоте – полностью разоруженные, под завязку набитые трупами солдат.

Заявление стало очевидным до того, как оно прозвучало.

А где-то в бункере, укрытом в недрах планеты, наблюдал за исполнением плана Совет Пяти. Все шло так, как было задумано. Никто не спешил этому радоваться. Сначала в комнате висела тишина, густая, как болотные воды. Потом она была нарушена, но нарушена голосами мрачными, уставшими, звенящими злостью, пронизанными горечью.

– И все-таки слишком рано... Они там с ума сошли?

– Не так уж рано: подготовка была завершена на девяносто процентов.

– Возможно, это нас и погубит!

– Какая уже разница? Победить мы можем только вместе – и мы победим!

Четверо ушли, устав от наблюдения за горящей, истекающей кровью планетой. Осталась только одна женщина, сжавшаяся, спрятавшая лицо в ладонях. Она снова заговорила, хотя и знала, что никто не услышит. Просто иногда слова сами рвутся наружу – они ничего не смогут изменить, но они хотя бы прозвучат.

– Господи, что мы наделали...

Вопрос, прозвучавший в тишине, очень скоро не давал покоя многим – когда стало известно о недавних событиях, и система планет, объединенная Общим Правительством, в шоке пыталась свыкнуться с новой реальностью, где настолько невероятная новость была не поводом для шуток, а разрушительной правдой.

Этой ночью восстал Марс.

Глава 3

В исследованной Вселенной осталось не так много людей, которых не удивила эта ситуация, и Валентин Вернон был одним из них. Не потому, что все предвидел – нет, такого поворота не ожидал даже он. Просто он давно научился относиться к жизни как к игре. Да, порой кровавой, чаще всего несправедливой, и все равно игре, которую не стоит воспринимать всерьез.

Он и сам не понимал, как так получилось. Пожалуй, этого следовало ожидать: когда знаешь о людях так много, остается все меньше святого и важного. Чтобы не сойти с ума, держишься за то, что не дает скучать. Да и потом, любые свои негативные эмоции он научился гасить за долю секунды еще лет десять назад.

Поэтому теперь он был спокоен даже на экстренном совещании Общего Правительства, которое созвали из-за одновременного восстания Марса и Итои. Пламенные речи о предательстве и подлости он не слушал, они были ему не интересны, равно как и оправдания тех, кто должен был все это предотвратить или хотя бы предупредить Общее Правительство об угрозе. Пока сильные мира сего по очереди занимали место за трибуной, чтобы выпустить пар, Вернон бесцеремонно рылся в их мозгах. Они, вероятнее всего, знали об этом, но старательно делали вид, что не знают. Помешать ему они все равно бы не смогли, а притворное незнание помогало им сохранить остатки самоуважения.

Вернон не испытывал никакой симпатии к восставшим, но вынужден был признать, что действовали они грамотно. Две планеты, очень разные, разделенные грандиозным расстоянием, готовились к военному перевороту много лет – а об этом разве что догадывались. Толковых доказательств не было, и возможные мятежи воспринимали как действия отдельных группировок, которые легко будет погасить.

Вот и дождались... Даже при том, что восстание явно началось раньше срока, пока мятежники добились поразительных успехов.

Марс был захвачен полностью. Совет Пяти, правительство планеты, поддержала армия, которая теперь контролировала крупнейшие города. Марс давно уже был оснащен по последнему слову техники, так что с боевой операцией флот не спешил, она могла обернуться кровопролитной войной, победа в которой наверняка осталась бы за Землей – но ценой серьезных потерь, которыми, возможно, кое-кто попытался бы воспользоваться. Так что Красную Планету пока окружили боевыми кораблями, однако держались они на том расстоянии, которое задали мятежники.

На Итоие все обстояло не лучше. К местным флот относился с легким пренебрежением, вполне справедливо полагая, что у них не хватит ни опыта, ни технологий для полноценного восстания. Никто ведь не предполагал, что им поможет Марс...

– Они захватили Кольцо, – мрачно вещал главный инженер, которому полагалось следить за уникальной сетью спутников. – Просто перевели управление на себя и все... Похоже, они изменили спутники, когда якобы проводили техобслуживание.

Сказал он только это, но Вернон, покопавшийся в его памяти, знал намного больше. Земляне понятия не имели, какие еще изменения итальятика внесли в Кольцо. Использование марсианских технологий давало огромный потенциал – потому что Земля сделала Марс кластером инноваций.

К тому же на Итоие захватили более пятидесяти тысяч заложников, судьба которых оставалась неизвестной. И это тоже сдерживало флот – так же, как Кольцо и военные технологии Марса.

Так что суетились представители Общего Правительства не напрасно, они понимали, что, если восстание не будет подавлено быстро и легко, начнутся очень нехорошие события в некоторых других колониях.

К счастью, панике поддались не все.

– Наше положение не столь плачевно, как считают многие, – спокойно объявил один из генералов флота, не связанных со специальным корпусом. – Очевидно, что планы мятежников по какой-то причине сбились. На это указывает заметная поспешность их действий, порой граничащая с небрежностью, и то, что они не предъявили нам толковых требований – до сих пор! Получается, они даже не успели согласовать эти требования друг с другом. Если мы узнаем, что заставило их действовать быстрее, причем себе в ущерб, это мы тоже используем для возвращения планет под свой контроль.

Вернон решил, что молчал он достаточно долго, настало время вмешаться. Он, в отличие от остальных, не просил слово у председателя. Ему достаточно было небольшого телепатического усилия, чтобы все взгляды обратились на него.

– А это я, – усмехнулся он. – Я эта причина. Точнее, кое-какие из предпринятых мной действий.

Кому-то другому за нарушение протокола собрания сделали бы замечание. Вернону тоже раньше делали, теперь вот отчаялись. Это хорошо: они хотя бы обучаемы.

– Что вы имеете в виду, господин Вернон? – спросил председатель. – Те сведения, которые вы недавно получили от итальятика?

– Скорее, мою реакцию на них. Я отправил туда команду «Северной короны».

– Насколько мне известно, команду вы отправляли ради разведки, а не стимулирования революции, – сухо отметил генерал.

– Да, план был такой. Но теперь я оцениваю ситуацию уже с учетом всего, что случилось. В команде, как вы знаете, работает и моя биологическая дочь, любезно сконструированная нашим научным отделом. Причем, как выяснилось недавно, ее и других детей, полученных через бридинг-программы, планировали использовать как раз против специального корпуса. Заказчик этих занимательных экспериментов до сих пор оставался неизвестным. Мы предполагали, что за этим стоят частные корпорации, вроде тех, что не так давно пытались забрать себе Феронию. Но теперь я начинаю подозревать, что оружие накапливали как раз наши будущие мятежники – в том числе и живое.

Вернон действительно не ожидал, что так будет, тут он не соврал. Но то, насколько четко выстроились события, намекало, где он допустил ошибку в расчетах. Заговорщики сразу же узнали Альду Мазарин, ведь недавно вокруг ее имени полыхал грандиозный скандал. Им также было известно, что после суда Вернон начал рассматривать ее как один из своих ресурсов.

Так что ее появление на Итойе восприняли как боевую, а не разведывательную операцию. Сначала утечка сведений племени Малук-Ахау, потом дочь номера 1 среди телепатов... У кого-то из заговорщиков сдали нервы, ну а все остальные были вынуждены подстраиваться. И Марс, и Итойя прекрасно понимают, что победить смогут только вместе. Они решили пренебречь финальными этапами подготовки, чтобы сохранить за собой эффект неожиданности.

Это Вернон и собирался использовать.

– Если мы начнем прямую атаку, мы все равно победим, но это будет битва на их условиях, – сказал он. – При таком столкновении все упущенные при подготовке моменты будут не так уж важны. Нам нужно действовать точно. Своей панической атакой они открыли сразу две уязвимости.

– Одна из них – детали, пропущенные из-за поспешности, – кивнул генерал. – А какую вы считаете второй?

– То, что они там наверняка перецапались. Поверьте мне, я знаю человеческую природу лучше, чем хотел бы – а природа итальятика мало чем от нее отличается. При переговорах с нами эти новые хозяева жизни презрительно усмеваются и распускают перья. Но на планетах наверняка уже звучат вопли в стиле «Я же говорил, что нужно подождать! Это была твоя идея!» Недостаток единства губит быстрее, чем прямое попадание ракеты.

Никаких решений Вернон предлагать не стал, он прекрасно знал, что очень многие во флоте этого не любят. Он сделал вид, что смиренно отступил, сыграв свою роль, и продолжил наблюдать. Он уже видел, что ни у кого нет мыслей о прямом столкновении, и это радовало.

Вернон ожидал, что решение предложит тот самый генерал, очень уж хорошо он держался. Однако первым слово неожиданно взял Легион.

– Мы готовы взять на себя проблему на Марсе. Господин Вернон прав в том, что решение должно быть точечным, осторожным. Заложников на Марсе не так много, как на Итойе, но не хотелось бы терять даже их. Мы постараемся решить проблему быстро и тихо.

Что ж, это был неплохой вариант. Легион и правда был хорош в своем фирменном «быстро и тихо». Они ведь не сказали, что будут милосердны, и это тоже было честно.

– Принято, – после недолгого совещания объявил председатель. – Ответственность за военную операцию на Марсе передана Легиону. Мне также поступило предложение от специального корпуса, который берется решить вопрос на Итойе.

Прощение это подал не Вернон, но он знал, что он отправлено. Собственно, он лично вложил в память представителя спецкорпуса правильное написание слова «приоритет», потому что первоначальный вариант получился удручающим.

– Как всегда, поражен мудростью нашего совета, – бодро объявил Вернон. – Думаю, я смогу предоставить план использования команды, оставшейся на Итойе, уже к сегодняшнему вечеру...

– Это не будет сводиться к вашему плану, – отрезал председатель. – Точнее, не только к нему. За вами оставят свободу действия, господин Вернон, но все понимают, что одной команды для решения такой глобальной проблемы недостаточно.

Да, определенно прокол... Вернон был настолько уверен, что его идею поддержат все, что не проверил разум председателя. А жаль: изначально еще можно было внушить этому увальню нужные мысли, но теперь, когда председатель выразил несогласие вслух, внезапная смена его настроения стала бы слишком подозрительной.

Так что пока Вернону предстояло затаиться и плыть по течению, он лишь спросил:

– Как же тогда будет решена эта глобальная проблема? С учетом того, что моя команда останется вспомогательным ресурсом.

– Возможно, этот ресурс нам и вовсе не понадобится. Мы направляем к Итойе Черную Армаду.

* * *

Тварь наблюдала за ними долго, пялилась единственным глазом сквозь толщу воды. Она никак не могла понять, с кем имеет дело. Если бы посреди океана оказались только люди, она бы давно уже сожрала их – она делала такое раньше. Ее смущал размер корабля, превосходящий ее собственный. Если бы она была сытой, она бы точно уплыла, не рискнула нападать. Но она осталась здесь, и можно было не сомневаться: голод рано или поздно заставит ее начать охоту.

Ожидание не изматывало Одхана Роша – оно вполне устраивало номер 4 Легиона. Если бы он отличался трудоголизмом или очень хотел какую-нибудь награду, он бы напал первым. Однако ему просто сказали поубивать этих китоподобных уродцев на Зиррацине, никто не говорил ему, скольких нужно убить и как быстро. Поэтому Одхан не спешил, он растянулся на палубе, наслаждаясь жарким солнцем чужой планеты.

Ему некуда было спешить. Если уж называть вещи своими именами, задание на Зиррацине было слишком простым для их команды, тут и горстка новичков справилась бы. Но это направление они получили как раз стараниями Одхана: прошлая миссия его потрепала, писать

заявление на отпуск номеру 4 было банально лень, поэтому он выбрал задание, которое подходило под его определение рыбалки на тропическом курорте.

Наконец хищник устал выжидать, он рванулся вперед. Длинное скользкое тело вылетело из воды, взвилось в воздух, и его тень накрыла всю палубу, обдавая Одхана прохладными брызгами.

Подниматься с лежака легионер все равно не собирался. Он лениво метнул в хищника нож, уже покрытый кровью. Оружие казалось просто смешным, никак не способным причинить вред такой грандиозной туше... А оно справилось. Точнее, справилась кровь, нож просто пролетел через пространство с достаточной силой, чтобы впиться между крупными чешуйками на брюхе существа.

Сам удар оно, конечно же, не заметило, оно тяжело рухнуло на палубу, грандиозные челюсти щелкнули в паре сантиметров от лежащего легионера... И на этом битва была закончена. Существо странно выгнулось, взвыло и ловко, по-змеиному, метнулось к борту. Очень скоро оно было в воде, ожидая, очевидно, что это его спасет. Оно ведь прежде с таким не сталкивалось, все его предыдущие жертвы умирали быстро.

Одхан позволил твари отплыть чуть дальше – ему не хотелось портить воду возле корабля, он еще планировал сегодня искупаться. Но контроль он не упустил ни на миг, и когда расстояние показалось ему достаточным, он просто вспорол хищнику брюхо изнутри, превращая недавнего охотника в желанную добычу для донных падальщиков.

– И еще плюс один, – с довольным видом объявил Одхан, хотя слушать его было некому.

Миссия на Зиррацине определенно была его лучшей идеей за последний год. Одхан не хотел спешить сам и собирался запретить это другим, чтобы океаном можно было наслаждаться чуть дольше.

Однако уже через пару часов выяснилось, что маленький тропический рай придется покинуть. Плохие новости, как это чаще всего бывало, прилетели по секретному каналу Легиона. Одхану надлежало срочно явиться на станцию для выполнения индивидуального задания. То, что его команде предстояло остаться на Зиррацине, намекало, что миссия будет та еще... Из тех, на которых точно нет места плетеным лежакам и пляжным коктейлям.

Возражать Одхан не собирался, потому что Легиону возражать – себе дороже. Долгие сборы ему не требовались, и очень скоро он уже стоял на дальней палубе в ожидании скоростного челнока, на котором ему предстояло покинуть планету.

Он никого не звал. В команде знали, что его перевели на другую миссию, но особого значения этому не придавали. Они не сближались с легионером, он – с ними, и всех всё устраивало. Хотя было, конечно, и исключение...

– Шел бы ты отсюда, пацан, – бросил Одхан, не отрывая взгляда от ярко-голубого неба. – Делать больше нечего?

Иарлайт, конечно же, не послушался. Когда все шло своим чередом, киборг не навязывался, он по-прежнему держался с легионером на равных. Однако Одхан прекрасно знал, что парнишка за каким-то чертом назначил его чуть ли не на роль наставника. Лучше никого не нашел... Одхан не раз говорил ему прямым текстом, что ориентироваться на легионеров нужно, только если жить надоело, а совершать самоубийство неохота. Иарлайт на это заявлял, что он лучше булжник своим духовным лидером признает, и то больше толку будет. Но в нужные моменты он всегда оказывался рядом.

Вот и теперь он неспешно подошел к Одхану и тоже посмотрел на небо.

– Зачем тебя вызывают? – спросил он.

– Соскучились, наверно.

– А как самом деле?

– Посмотри в учебнике, в разделе «Не твоё механическое дело». Я откуда знаю, что им понадобилось? Может, война где случилась. Может, грохнуть кого-то надо. Меня для демонстрации кружевных трусиков не зовут.

– Звучит так, будто ты сожалешь об этом...

– Поговори мне тут – и проверим, какой из тебя поплавок!

В небе появилась черная точка, пока еще далекая, но уже заметная. Вовремя... Видимо, кого-то в Легионе знатно припекло, раз он организовал доставку номера 4 с отдаленной планеты так быстро.

Иарлайт челнок тоже заметил, он прекрасно знал, что на беседу у них осталось от силы минут тридцать, и медлить не стал.

– Я тебе кое-что принес.

Одхан наконец перевел взгляд на него и обнаружил, что киборг протягивает ему металлический чехол, совсем небольшой, но из тех, в которых обычно перевозили или драгоценности, или карты памяти, или оружие.

– Что это? Ты знаешь, что я сувениры с собой не таскаю, – напомнил Одхан. – Больше шмоток – скучнее жизнь.

– Это не сувенир. Открой, а потом выпендривайся, если настроение будет.

Хотелось послать пацана подальше, но любопытство все-таки победило. Одхан забрал у киборга чехол, без сомнений открыл и обнаружил внутри черную сферу с несколькими скрытыми кнопками.

– Я смотрю, тебя от воды коротить начало, – покачал головой Одхан. – На кой мне термограната? Да я одним ударом могу нанести больше вреда, чем она – взрывом!

– Похвально, но это не термограната. Это корпус от термогранаты.

О том, что киборг увлекся усовершенствованием оружия, Одхан знал уже давно. Ничего странного он в этом не видел: когда твоё тело отчасти состоит из боевых машин и зависит от них, логично разобраться, как что работает.

Теперь вот выяснилось, что мальчишка этот и изобретать что-то начал. Может, даже неплохо, он не дурак. Но Одхан все равно не был впечатлен.

– Ну, корпус. Мне все равно, что внутри – хоть термоядерный реактор, хоть бабушкины пирожки. Я эту хрень с собой не потащу.

– Что, надорваться боишься? – хмыкнул Иарлайт. – А тащить все равно придется! Это граната с антиматерией!

– Чего? Какой еще антиматерией, что ты несешь?

– Ладно, не с антиматерией как таковой, но звучало же круто! Я эту гранату сам изобрел. Если нажать вот эту кнопку, – киборг показал нужную кнопку на корпусе, – появится игла. Через нее необходимо получить генетический образец того, кого тебе нужно уничтожить. Тогда из корпуса вылезут наноботы, которые доставят растворяющий реагент только в тело нужной жертвы. Для реагента я выклянчил токсин у хилера, так что сто процентов сработает! И будет реально эффект антиматерии, твой враг просто растворится! Ну, что ты теперь скажешь?

Одхан изобразил лучшее подобие доброй отеческой улыбки, на какое был способен, сделал шаг к Иарлайту, явно довольному собой, и отвесил киборгу щедрый подзатыльник. Пацан, наверняка ожидавший не такого, изумленно уставился на легионера, пытаясь сообразить, может ли так выражаться похвала.

– Теперь я скажу, что ты слишком сообразительный мелкий паскудник, – процедил сквозь сжатые зубы Одхан.

– Эй! За что?!

– Ты меня совсем за дебила держишь? Да это же идеальное оружие против легионеров! Изобрел он, естествопытатель хренов!

Одхан и так сразу понял, с чем имеет дело. Но даже если бы он сомневался, смущенно отведенный взгляд киборга стал бы лучшим подтверждением его догадок.

– Ну, допустим, – пробормотал Иарлайт.

– Отлично! Я его драться учу, подстраховываю, а он тихонько, под одеялком, оружие против меня готовит!

Вот теперь киборг снова взглянул на него – с таким искренним гневом, на который, пожалуй, только юность и способна.

– Не против тебя! И никогда не было против тебя!

– Ага, конечно! С ним в команде работает легионер, он, высунув язык, лепит оружие против легионеров, но ко мне это не имеет отношения!

– Это имеет к тебе отношение – потому что я хотел тебе помочь!

– Это еще что должно означать? – нахмурился Одхан.

– Да я слишком много этого вашего Легиона видел! На Адране, потом на Феронии... Вы же друг с другом сцепиться в любой момент можете! И погибнуть... Я еще на Феронии подумал: если бы на тебя напали, что бы я сделал? Да ничего! Стоял бы рядом и ждал, пока меня добьют, если не побрезгуют, конечно! Я так не хочу. Я тебе не ученик, ты мне не нянька. То, что ты номер 4, изначально намекало, что мы еще можем пересечься с Легионом. И я хотел держаться с ними на равных, если это все-таки случится.

Идея все равно была тупая. Одхан сильно сомневался, что эта дурацкая поделка вообще работает – и что она способна повлиять на того, с кем не справится номер 4. Не рассмеялся легионер лишь по одной причине: он видел, что мальчишка искренне верит каждому своему слову. И это наивное желание защитить оставляло какое-то странное ощущение внутри...

– Ты ведь не собирался говорить мне про эту игрушку? – уже спокойней спросил Одхан.

– Нет... Я собирался взять ее с собой, если бы мне позволили сопровождать тебя. Я, кстати, просил капитана о переводе... Но он сказал, что на этот раз нельзя, и я решил, что уж лучше я отдам гранату тебе, чем буду хранить ее непонятно зачем.

– Мда, учить тебя еще и учить, прежде чем ты в полезный предмет превратишься... Понятно, что никто тебя со мной не отпустит. Там явно какая-то грандиозная вечеринка Легиона намечается, посторонним вход воспрещен. Но твою цацку я, так и быть, возьму.

Иарлайт не обиделся даже теперь, он просто улыбнулся, протягивая легионеру руку:

– Не понадобится – отдашь мне, я ей применение найду. Так что потрудись вернуться, понял?

– Естественно. Без меня так и продолжишь приносить меньше пользы, чем сервисный дрон!

На этом время для разговоров закончилось. Челнок наконец добрался до корабля, кое-как приводнился, давая Одхану возможность подняться на борт. Иарлайт, конечно, не собирался изображать тоскующую барышню, он ушел раньше, так что отлет получился быстрым.

Никаких инструкций или пояснений Одхану не передавали. В пути его сопровождали только рядовые сотрудники Легиона, чуть ли не обслуживающий персонал, они сами ничего толком не знали. Но когда он добрался до Общей Сети и увидел главные новости этих дней, не так уж сложно было соотнести одно с другим.

Какие-то недоумки умудрились захватить аж две планеты федерации... а другие недоумки им позволили. Одхан понятия не имел, как именно это произошло, но недооценивать ситуацию не собирался. Дело дрянь, конечно... И то, что Легион собирает лучшие свои силы, вполне логичное продолжение этих событий.

Встрече предстояло пройти на станции Легиона, солдат специального корпуса там не было. Но чего-то подобного Одхан и ожидал, Иарлайту не зря запретили сопровождать его. Номер 4 прибыл одним из последних, времени на отдых у него не было, но он в отдыхе и не нуждался. Одхан сразу же направился в зал собраний.

Там он обнаружил тех, кого и ожидал увидеть: представителей первой десятки. Легион действует по привычной схеме. Не хватало пока только номера 7, но он, должно быть, находился дальше всех от станции на момент вызова. Остальные уже собрались, и взволнованными они не выглядели. Да и чего волноваться? Пока Одхан не обнаружил в новостях ничего такого, что могло стать настоящей угрозой.

Вести с ними беседу предстояло одному из администраторов Легиона. Сам по себе этот человек ничего не значил, его задачей было объявление плана, который наверняка давно уже утвердили наверху.

– Благодарю, что собрались так быстро, – сдержанно кивнул им администратор. – Думаю, всем вам уже известно о трагедии, которая произошла в двух колониях Земли. Обе они остаются захваченными террористами.

– Также известными как местные жители, – с невинным видом заметила Шарлотта Мю.

– Местные жители как раз не имеют к этому отношения. Ни на одной из планет не проводился референдум, не было даже объявления о намерении разорвать связь с Землей. На сегодняшний день нам известно, что на Итойе решение о восстании поддерживает примерно триста племен – из более чем полутора тысяч, обитающих на этой планете.

– Что же они тогда сами не разберутся, если среди жуков сидит праведное большинство? – удивился Одхан.

– Потому что мятежники захватили контроль над Кольцом, военными базами и активно используют марсианские технологии. С ними разбираться будем не мы, Итойю взял на себя специальный корпус. Наша задача – восстановить контроль над Марсом.

На демонстрационном экране перед ними появилась знакомая красно-рыжая планета, окруженная тяжелыми военными судами. Подлетать близко они пока не рисковали, и Одхан даже не сомневался, что расстояние задали новые хозяева планеты.

– Когда на общем собрании было решено, что Марс берет на себя Легион, мы стали искать источники информации на планете, – продолжил администратор. – Тогда мы и выяснили, что далеко не все военные поддерживают решение о перевороте. За ним стоит как раз Совет Пяти – гражданское правительство Марса. Среди военных большинство все еще лояльно Общему Правительству. Но Совет Пяти предвидел это, они держат коды управления боевыми машинами, которые составляют основу армии Марса. Сейчас многие лояльно настроенные офицеры затаились, чтобы не выдать себя раньше срока.

– Но если Совет Пяти будет ликвидирован, они выйдут на арену и помогут быстро устранить последствия мятежа? – догадался Гидденис Планта.

– Именно так. К тому же у нас есть основания полагать, что у мятежа имеется и третья сторона. Союзник финансовый и информационный, поддерживающий обе планеты. Военные о нем мало что знают, связь с ним держат сенаторы из Совета Пяти.

– Те, кто пытался захватить Феронию? – спросила Эстрид Ингитора.

– Мы допускаем этот вариант, но не ограничиваемся им. В любом случае, все сводится к гражданским. Восстание на Марсе – это не восстание населения, население сейчас как раз поставлено в крайне невыгодные условия. Все мы хотим решить дело так, чтобы пострадало как можно меньше людей.

Картинка на экране сменилась: вместо кадра, сделанного из космоса, перед легионерами появились объемные изображения пяти человек. Трое мужчин, две женщины. Одхан не слишком интересовался жизнью на Марсе, но даже он без труда догадался, что смотрят они на тех самых сенаторов, которые и затеяли эту заварушку.

Никакого сочувствия к ним Одхан не испытывал. Он прекрасно знал, что такие дела затеваются либо от большого несчастья, либо от жадности. Но несчастья на Марсе не было, первая колония Земли получала все, чего ей хотелось. Следовательно, сенаторам, которые в большинстве своем получили власть по наследству, хоть такое и не афишировалось, просто захотелось

больше денег. Или приключений. Или скучно жить стало... А результат один: горстка избалованных политиков поставила под угрозу жизни миллионов людей. Одхан по опыту знал, что такие управленцы не берут в свои ухоженные ручки оружие. Они ждут, что за них умрут другие.

– В связи с рядом обстоятельств восстание, похоже, стартовало раньше срока, – сообщил администратор. – Из-за этого номер 1 телепатов предположил, что среди Совета Пяти может наметиться раскол. Мы проверили эту теорию, и она оказалась верной. Наши источники сообщили, что после совместного заявления о требованиях сенаторы разъехались, укрылись в разных городах Марса.

Одхан не удержался, хмыкнул: все как он ожидал! Нежные принцы и принцессы сообразили, что игра в войнушку зашла слишком далеко, а отступить больше некуда. Они, пованивая обгаженными штанами, забились по норам, чтобы их не накрыли единым ракетным ударом. И эти люди взяли на себя смелость говорить от имени всего Марса? Смешно.

– Наша задача уже определена? – бодро спросил Рафаль Стром.

Он почти все делал бодро и казался неадекватно оптимистичным. Кого-то это умиляло, а Одхана лишь настораживало. Нет, он признавал, что номер 1 очень силен, да и на Феронии Рафаль действовал отлично. И все-таки что-то с ним не так... Одхан не брался сказать, что именно, он это просто чувствовал – инстинктивно, совсем по-звериному. Поэтому от номера 1 он предпочитал держаться подальше.

– Разумеется, – кивнул администратор. – Благодаря помощи военных мы знаем, в каких городах укрылись сенаторы. За каждым из них мы отправим команду из двух человек. Объединить вас мы планируем по уровню силы для баланса: так, номер 1 отправится вместе с номером 10... Принцип, думаю, понятен. Единственная сложность заключается в том, что номер 7 не сможет к вам присоединиться. Он оказался заперт на Итойе.

Занятно... Одхан предполагал, что номер 7 попросту нарвался на наказание, рано или поздно это должно было случиться. А он застрял на Итойе... Тем хуже для итальятика.

Одхана эта новость лишь порадовала. По схеме, предложенной администратором, ему как раз предстояло работать с Седьмым, а это почти так же паршиво, как объединяться с Первым. Но теперь Седьмого нет, и ему, похоже, предстояло стать одной командой с Шарлоттой Мю... Это вдохновляло. Во всем этом цирке она была, пожалуй, самой симпатичной – сразу во многих смыслах.

Но только Одхан успел порадоваться неожиданной удаче, как выяснилось, что кое-кто успел ему все испортить.

– Отсутствие номера 7 уже было компенсировано. Номер 3 подал прошение о привлечении напарника со стороны. Весьма странное прошение, надо сказать...

– Меня устраивает, – небрежно бросил Стефан Северин.

– Да, мы... мы поняли. Ваша просьба была удовлетворена. Итак, номер 3 получит напарника со стороны. Это значит, что номеру 4 предстоит объединиться с номером 8. Остальные команды, думаю, уже очевидны.

Номер 8, значит... Саломе Арамар. Истеричная бабища, которая кого угодно подставит, лишь бы спасти свою шкуру. Одхан с куда большим удовольствием отправился бы на задание один, чем с ней! Но выбора ему никто не давал. Это только номер 3 вечно опережал события – потому что номер 3 хитрая лисица, которая своего не упустит. Прошение он подать успел, надо же... Всем остальным предстояло просто подстраиваться под обстоятельства.

– Вы отправитесь на Марс сегодня же, – подытожил администратор. – Флот организует диверсию, чтобы сохранить ваше прибытие в тайне. Объединившись в команды, вы узнаете, какого именно сенатора вам предстоит разыскать. Приоритетная задача – доставить его живым. Но это не обязательно. Будем надеяться, что с вашим прибытием на Марсе вновь воцарится покой.

– Легион если и приносит покой, то обычно вечный, – буркнул Одхан.

И предполагалось, что это шутка – смеяться над которой никто не стал.

* * *

Сначала Кигану казалось, что это розыгрыш, действительно элемент какого-то шоу для гостей... Ну не могут же итальятика всерьез предполагать, что у них получится такой варварский захват планеты! Они объявили всех заложниками – и что? Их нужно слушаться только потому, что парочка из них своими щупальцами за винтовки ухватилась? Да одного электрокинетика было достаточно, чтобы вывести все оружие, собранное в зале, из строя!

Так что он был спокоен, когда все началось, улыбался даже. А потом улыбаться перестал.

Он, как и остальные, услышал грохот. Звук был далеким, родился он где-то в городе, но получился достаточно громким, чтобы пробиться в зал. Что-то происходило и в Чиракане... Хотя следовало ли ожидать иного? Все указывало на то, что итальятика готовились к этому не один год.

Киган повернулся к городу, ожидая увидеть облако дыма от какого-нибудь взрыва, – и застыл в удивлении. Потому что ни он, ни другие гости оказались не готовы к тому, что один из глиняных небоскребов просто разлетелся на части. А оттуда, из осколков, как из треснувшего яйца, поднималась гигантская тварь, достаточно большая, чтобы нависнуть над Чираканой.

Точнее, сначала Кигану показалось, что это действительно чудовище: нечто среднее между пауком и осьминогом, титан, укрепляющийся на четырех щупальцах, а остальные раскидывающий над городом. Потом, присмотревшись внимательней, механик «Северной короны» сообразил, что перед ним.

– «Саваж-3», – прошептал Киган.

Его голос утонул в общем испуганном гуле, теперь наполнявшем зал дворца. Но Римильда, все это время стоявшая рядом с электрокинетиком, все-таки услышала.

– Ты знаешь, что это такое?

– Ну вот определил модель же! Это марсианский боевой робот... Но я понятия не имею, как он попал сюда!

Сверхкрупные боевые роботы из серии «Саваж» были одним из величайших достижений военной промышленности Марса, а третье поколение и вовсе считалось чуть ли не открытием – слишком уж заметно оно превосходило предыдущие два. Такие роботы обычно использовались для разгрома пиратских баз, расположенных на планетах или спутниках, или охраны колоний в особо опасных условиях.

При этом любой, даже самый простой «Саваж» стоил как космический корабль и не продавался кому попало. За перемещением этой модели строго следили, покупателю следовало сначала получить разрешение космического флота, а потом только договариваться с Марсом. Так что «Саваж-3» никак не мог попасть сюда, да еще и оказаться внутри небоскреба... Это вообще зачем?

– Как они это сделали? – не выдержал Киган.

Рале, в отличие от него, удивлению не поддавался. Голос телекинетика звучал напряженно, но вполне спокойно.

– Здесь собрали, очевидно. Прямо внутри небоскреба.

– В архиве есть сведения о том, что недавно Чиракана запрашивала у Общего Правительства деньги на восстановление центра города, – быстро сообщил Стерлинг. Держался он неплохо, и лишь непривычная скорость речи указывала на страх. – Видимо, это и была реставрация...

А ведь план неплохой! Удручающе неплохой, но все же – итальятика нужно было отдать должное. Прикрываясь реставрацией, они выскребли одну из центральных высоток изнутри

и собрали там робота. Он оказался на идеальной для захвата города позиции, а никто этого даже не заметил, все было прикрыто строительными работами!

Да, на такое ушло очень много времени и сил. Киган даже не представлял, каким терпением нужно обладать, чтобы провезти на Итойю такое количество маленьких деталей – крупные бы обнаружили! А он-то надеялся, что мятежники действительно безмозглые, что подавить их будет легко...

И все равно оставался один очень важный нюанс.

– «Саваж-3» нельзя купить у каких-нибудь черных торговцев, – указал Киган, не сводя глаз с величественного гиганта, теперь закрывающего собой половину неба. – Его производят только на Марсе и даже не частники! Разрешение на такого робота должно было выдать марсианское правительство...

– Видимо, проблем с разрешением не было, – привычно спокойно заявила капитан Лукия. Ее даже нынешний хаос не мог вывести из себя. – Рекомендую присмотреться к улицам внимательней.

«Саваж-3» оказался не единственным марсианским роботом, внезапно появившимся на улицах Чираканы, – а тот небоскреб был не единственной ловушкой. Просто гигант неизбежно приковывал к себе внимание, и не так сложно было упустить других дронов, вырывавшихся из соседних зданий.

Здесь были и разведчики, и боевые роботы среднего размера, и взрывные ловушки, уже занимавшие свои позиции. Это не тянуло даже на уровень охраны колонии – это была маленькая армия! Безумно дорогая. Произведенная на одной планете. В том, что Марс имеет отношение ко всему происходящему, уже никто не сомневался.

И в этом мятежники их здорово обошли. К любым новостям о восстании на Итойе флот относился снисходительно. Планета была развитой, но лишенной серьезного боевого потенциала. На ее поверхности не производили оружие, у нее не было единой армии. Какую угрозу она могла представлять силам многих планет? А думать о сотрудничестве с Марсом не было оснований, слишком далеко эти колонии, слишком они разные.

Люди боялись, Кигану не нужны были телепатические способности, чтобы догадаться об этом. А вот он чувствовал нарастающую злость.

– Их тут не так уж и много, – сказал электрокинетик. – Они уверены, что уже победили. Если мы нападём быстро, сразу, мы нанесем им серьезный ущерб. Увидев это, охранные отряды людей нам помогут, может, отобьем город...

Он ожидал, что ему ответит капитан Лукия – ей полагалось принимать такие решения. Однако вместо этого в его голову ворвался голос Альды. Да и, судя по тому, как недовольно поморщилась Римильда, не только его. Телепатка обращалась ко всем сразу.

«Ни в коем случае! Простите, что вот так лезу в ваше сознание, но это должны знать все. Во-первых, захвачена не только Чиракана. У восставших есть свои люди во всех крупных городах Итойи, а главное, они перехватили контроль над Кольцом. Всех подробностей я не знаю, мне пока очень трудно читать мысли итальятика, но вот это я выяснила».

– «Во-вторых» будет? – поинтересовалась Римильда.

«Будет, и оно даже важнее, чем «во-первых». Итальятика по какой-то причине начали действовать раньше, чем планировали. Возможно, из-за нас. Нам важен итог: они не успели подготовить места для содержания заложников. Теперь они нервничают, они будут добиваться дисциплины любым возможным способом».

– То есть, если наше сопротивление их напугает, они начнут убивать заложников без сомнений, – подытожила капитан Лукия. – Принято, Мазарин. Всем оставаться на своих местах. Мы выжидаем. Нашей миссией была разведка, флот не поручал нам боевые действия. Вероятнее всего, там уже знают о восстании и разрабатывают новый план.

Кигану не слишком нравилось сидеть тут с опущенной головой, но он вынужден был признать, что Альда и капитан правы. Нервничающие террористы – а итальятика сейчас террористами и были – представляют двойную угрозу для заложников. Чтобы спасти побольше жизней, для начала нужно убедить их, что они идеально контролируют ситуацию, нет смысла лишний раз нажимать на спусковой крючок.

Увы, понимали это далеко не все. Появление боевых роботов напугало всех заложников без исключения. Но для кого-то страх обернулся покорностью – такие люди расходились по указанным итальятика местам. А вот кто-то решил отреагировать агрессией.

В основном это были представители торговых и добывающих компаний: немолодые полные мужчины, их увешанные драгоценностями жены... Эти люди жили на Итойе много лет, они тут ко всему привыкли и даже начали считать себя чуть ли не хозяевами планеты. Да, таких было мало, но Киган не раз замечал, что порой большие деньги сочетаются с феерической глупостью.

И эти люди мириться не хотели. Они уже вопили, что не собираются подчиняться какому-то насекомым, что все это бессмысленное запугивание... Они прибыли сюда с охраной, которая теперь держалась рядом с ними. Охранники, как заметил Киган, в бой не рвались, они оценивали ситуацию куда адекватней. Но отказаться от выполнения приказа они пока не решались.

Такое творилось не только во дворце. На тех улицах, которые просматривались с холма, Киган разглядел такие же небольшие группы дорого одетых людей и хорошо вооруженной охраны.

«Всем оставаться на своих местах, – все так же ровно потребовал Хапикерн-Тохил. – Люди, проживающие в городе, должны оставаться в домах. Сотрудники посольств не должны покидать здание. Все, кто останется внутри, выживут. Соблюдайте правила. Вы на территории свободной Итойи».

– В задницу себе можешь засунуть свою свободную Итойю! – заявил один из торговцев. – Там ей самое место! А мы немедленно покидаем эту дыру, посмотрим, как долго вы со своей свободой протянете!

Они действительно собирались уйти, они, прикрываемые охраной, двинулись к выходу.

– Мазарин, вы можете им помешать? – тихо спросила капитан Лукия.

«Опасно... Я умирила, кого могла, до того, как они вопить начали... Но если резко уgomонятся эти, итальятика что-то заподозрят. Пока они удивительно спокойны... Похоже, они ожидали, что кто-то уйдет, у них есть план... Скорее всего, покинувшие здание будут убиты, чтобы проучить других».

О таком догадывалась не только Альда. Когда дошло до дела, некоторые охранники все же сложили оружие и присоединились к сидящим у стены заложникам. Работодатели, конечно, обрушили на них поток ругани – но этим ничего не изменили.

Киган понимал, что сами они уже не остановятся. Их пытались уговорить – и знакомые, и итальятика, которые не присоединились к мятежу. Но они уперлись, они почему-то были уверены, что таких богатых и уважаемых людей никто убивать не станет. Как будто от смерти можно откупиться.

И ведь их выпустили! Когда они добрались до выхода, мятежники сами открыли перед ними двери, позволяя небольшой группе покинуть дворец.

– Мазарин, что происходит? – насторожилась капитан.

«Я точно не знаю, – ответила Альда. – Я пытаюсь прочесть их мысли, но это сложно из-за гула... Я чувствую, что они спокойны. Итальятика уверены, что все под контролем, они даже рады, что эти люди вышли!»

Радость мятежников не сулила вышедшим ничего хорошего. Но Киган видел, что дворец покинула совсем маленькая группа, гораздо больше заложников осталось внутри – под прище-

лами винтовок. Рисковать этими людьми он не собирался, а потому готов был и дальше сидеть смиренно.

Но действовать ему все же пришлось, когда его руку неожиданно сильно сжала Римильда. Убедившись, что он слушает, хилер наклонилась к его уху и прошептала:

– Быстро, вышвырни меня на улицу вместе с остальными!

– Чего? – растерялся Киган.

– Нет времени объяснять, просто сделай это! Все должно выглядеть так, будто я не хотела идти, ты меня заставил!

Киган не понимал, зачем ей это нужно – и почему она выбрала именно его. Хотя догадаться о причинах выбора было не так уж сложно: все это время электрокинетик стоял ближе всего к ней. И хотя ее решение казалось безумным, взгляд Римильды оставался спокойным. Она явно знала, что делает.

Ему пришлось подыграть ей. Это было чертовски трудно: он прекрасно знал, что Римильда присоединяется к той группе, которой грозит смертельная опасность. Но за последние миссии он привык доверять хилеру. Римильда не была идеальна и не болтала часами о ценности человеческой жизни, однако о людях она искренне заботилась. Если ей сейчас требовалось обмануть итальятика именно так, значит, это лучший путь.

Поэтому Киган, больше ни о чем не спрашивая, перехватил ее за локоть и потащил к открытой двери.

– Довольна теперь? – зло спросил он. – Защищала своих итальятика до последнего – и вот что случилось!

– Что ты творишь? – испуганно крикнула Римильда. Актрисой она была неплохой, и хотя Киган знал, что это лишь игра, в груди все равно болезненно кольнуло.

– Ну так теперь иди на свободу, защитница, заслужила! Нельзя же, чтобы хорошие и добрые итальятика и из тебя заложницу сделали!

– Не надо!

Он ожидал, что кто-нибудь из команды попытается его остановить. Слишком уж внезапно все произошло, Римильда вряд ли успела им все объяснить... И действительно, в первые секунды Рале подался к ним, но потом резко остановился и вернулся на место. Скорее всего, Альда что-то передала ему... Конечно, телепатка ведь легко могла проникнуть в сознание Римильды! Киган и сам не отказался бы от такой привилегии, ведь сейчас ему потребовалась вся сила воли, чтобы довести дело до конца.

Он вышвырнул Римильду за дверь и лишь после этого демонстративно поднял руки вверх, показывая, что сопротивляться не будет. Итальятика, похоже, поверили в искренность ссоры между людьми. Они не стали задерживать Кигана, не обратили внимания на Римильду, от резкого толчка упавшую в грязь. Они заблокировали дверь до того, как хилер успела подняться на ноги.

Группа людей, покинувших дворец, дожидалась ее в саду. Они не знали Римильду, но сочувствовали ей, они готовы были взять красивую молодую женщину с собой. Вот только она присоединиться к ним не спешила, она, поднявшись на ноги, метнулась обратно к двери и забарабанила кулачками по прозрачной поверхности.

– Пустите меня немедленно! Я не хочу быть здесь!

Она снова была убедительна – и снова врала. Киган прекрасно знал, какой силой может наполнить собственные мышцы хилер такого уровня. И все равно видеть ее настолько испуганной и беспомощной было тяжело, тут никакие доводы разума не помогали. Электрокинетик с силой сжал кулаки, чтобы сосредоточиться, сдержаться, не испортить план, который он никак не мог понять.

А потом стало слишком поздно.

«Соппротивление будет наказано, – предупредил Хапикерн-Тохил. – Исполнение инструкций – гарантия выживания».

Киган ожидал, что наказанием будет руководить он, но нет. Итальятика во дворце отвечали только за покорных заложников. Все, что происходило снаружи, теперь было во власти боевого робота.

Щупальца, раскинутые над городом, на миг вздрогнули и выпустили темное облако. Оно, густое, буро-красное, стремительно разлеталось во все стороны, явно направляемое воздуховодами «Саваж-3». А Киган только теперь вспомнил, что в этой модели есть система запуска химического оружия на очень большие расстояния.

Темная взвесь накрыла город, а потом добралась и до холма. Это был противник, от которого нельзя защититься, в него бессмысленно стрелять, он не согласится на переговоры... Теперь уже обратно во дворец рвалась не только Римильда. Люди, еще недавно уверенные в себе, задыхаясь и кашляя бились о двери и стены. Они даже попробовали стрелять, чтобы освободить себе путь, но это ни к чему не привело, стекло оказалось бронированным.

– Пустите их! – испуганно крикнула Альда. – Этим людям нужен хилер!

Это уже было любопытно... Одинаковая серебристая форма не позволяла определить, кто в их группе какими способностями обладает. Теперь телепатка еще и подчеркнула, что Римильда кто угодно, только не хилер. Интересно, это ее идея? Или тоже часть плана самой Римильды?

«Соппротивление будет наказано», – повторил Хапикерн-Тохил, явно безразличный к происходящему снаружи.

Возможно, это даже не было жестокостью – если итальятика знал, что у людей не осталось ни шанса на выживание с тех пор, как они вдохнули красную взвесь.

Долго они не продержались. Надрывный кашель стал лишь первым симптомом. Он усиливался с каждой секундой, и вот уже откуда-то из горла или даже из легких пострадавших струилась кровь. Они смотрели на залитые красным ладони беспомощно, испуганно, а потом снова ломались внутрь – оставляя алые разводы на стекле. Они слабели, в панике оглядывались по сторонам, терялись в пространстве. Крови становилось все больше: она струилась из ушей, ноздрей и даже уголков глаз. Это была болезнь, о которой Киган ничего не знал.

Но хуже всего оказалось то, что не справлялась с этой дрянью и Римильда. Киган больше не делал вид, что рад был от нее избавиться, он замер у стекла прямо напротив хилера и смотрел только на нее. Римильда первой догадалась, что итальятика используют химическое оружие, она все рассчитала верно, она должна была справиться... Она же мертвых возвращала к жизни, он сам видел!

Однако оказалось, что спасти других ей было проще, чем себя. Может, что-то она и угадала, а потом явно переоценила свои силы. На лице, исчерченном багровыми полосами, застыло выражение удивленного испуга, глаза будто остекленели – да так и остались открытыми, когда хилер безжизненно упала на землю, уже пропитанную ее кровью.

Глава 4

Рафаль никак не мог вспомнить, что же произошло в лаборатории. Это было очень плохо.

Он прибыл на станцию после очередной миссии. В этом не было ничего необычного, он после каждого задания осмотр проходил. Правда, устал он сильнее, чем ожидал, и ноющая головная боль никак не проходила. Рафаль рассказал об этом господину Фетье – больше-то некому. Начальник научного отдела велел ему пройти какие-то тесты, направил в лабораторию. Там было не слишком удобное кресло, горел яркий бело-голубой свет, от которого голова болела еще сильнее... Мельтешили какие-то люди, и, кажется, Рафаль поссорился с кем-то из них... Но тут память обрывалась, он будто провалился в непроницаемую темноту, лишенную звуков.

Очнулся он уже в одной из спален, и все было в порядке... По крайней мере, ему стало лучше, да и общались с ним как обычно.

– Ты просто потерял сознание, – обыденно пояснил господин Фетье. – Это мы виноваты. Пять миссий подряд без перерыва – слишком много даже для номера 1.

– Да, я... Наверно. Мне уже лучше. Те лаборанты... Я ведь никого не обидел? Кажется, я повысил голос!

– Переживут, мы здесь нежных и обидчивых не держим. С лаборантами все в порядке, не думай о них. Просто отдохни.

Он действительно отдохнул: пару дней провел на станции, потом неделю жил на Феронии. Великолепная природа и знакомые места успокаивали его. Рафаль видел, что после миссии Легиона планета вернулась к нормальной жизни, и это тоже было важно. Так что к работе он приступил уже с новыми силами, и все было бы замечательно, если бы не раздражающий отголосок тревоги, поселившийся где-то в душе.

Причин у этой тревоги не было, однако она по-прежнему не исчезала. Впрочем, Рафаль быстро привык к ней, научился игнорировать, и она больше не мешала.

У него теперь были дела поважнее, чем эти непонятные страхи. Он прекрасно понимал, насколько важна миссия на Марсе – и как много теперь зависит от Легиона. Он сосредоточил все силы только на этом, и отстраниться от провалов в памяти и прочих мелочей оказалось на удивление легко. Особенно при том, что работать ему предстояло с напарницей.

Когда Рафаль впервые услышал, что их объединяют в команды, он собирался отказаться. Зачем ему помощь? Он номер 1 – причем один из сильнейших за всю историю Легиона, это все признавали! Да и вообще, если Третьему дозволено диктовать какие-то там особые условия, чем он, Рафаль, хуже?

Но когда он узнал, кого назначили ему в напарницы, спорить мигом расхотелось. Лавиния понравилась ему еще на Феронии, это он должен был признать хотя бы самому себе. Он искренне переживал за нее, когда она пострадала, и был рад узнать, что она все-таки выжила. Она снова была удивительно красивой, она улыбалась так очаровательно... Если уж говорить совсем честно, Рафалю не нужна была ее поддержка на боевой миссии, номер 10 ничего не могла ему дать. Но от ее присутствия было хорошо и спокойно, Рафаль предпочел сосредоточиться на этом.

Легион поручил им заняться самым юным из пяти сенаторов. Звали это нечто *Иво Брунон Фратчак*, и он напоминал вареную свеклу куда больше, чем человека. Фратчак отличался странной фигурой: очень узкие плечи, тощая грудь, но при этом крупные бедра и заметный живот. Да и голова такая же – с узким лбом и массивными щеками. Несмотря на юный возраст, Фратчак заметно лысел, однако пытался скрыть это оставшимися редкими прядями, хотя мог бы просто использовать наращивание. На всех снимках он почему-то выглядел покрасневшим и потным, явно взволнованным.

Рафаль вообще не понимал, как такому созданию, очевидно слабому и трусливому, доверили управлять целой планетой. Этими сомнениями он поделился с Лавинией уже на челноке, а она отнеслась ко всему куда спокойней:

– От папки должность унаследовал.

– Разве так можно? – удивился Рафаль. – Сенаторов ведь выбирают!

– Ну да. Но выбирают кого надо.

Киприан Фратчак руководил Марсом много лет, причем руководил успешно. Он бы удерживал этот пост и дальше, но его планы сбила катастрофа: челнок, на котором он возвращался на Марс, рухнул при приземлении. Киприан выжил, однако все понимали, что восстановление отнимет не месяцы даже, годы. Марс не мог ждать так долго, и место в Совете Пяти занял Иво.

Впрочем, вероятнее всего, отец просто использовал его, чтобы передавать собственную волю. В том, что Киприан знал о восстании и все одобрил, Рафаль почти не сомневался.

Семейство Фратчак показалось ему не таким уж важным – калека и юный истерик, вряд ли способный на самостоятельные решения. Поэтому сначала номер 1 даже удивился такому назначению: с ними могла бы справиться и команда послабее, другие сенаторы внушали большие опасения! Но когда он увидел, где именно затаились эти двое, все стало на свои места.

Отец и сын Фратчак предпочли скрываться в толпе, они засели в столице Марса – Новом Константинополе. На Красной Планете не было закона, запрещающего политикам заниматься бизнесом, так что семейство много лет обогащалось без особого стеснения. Теперь им принадлежал грандиозный небоскреб в самом центре города, откуда их предстояло выгнать.

Рафалья это не смущало. Хоть небоскреб, хоть военная база, хоть космический корабль – без разницы. Когда перед номером 1 ставили цель, он просто достигал ее. Правда, его бесило то, что нужно тратить столько энергии на какую-то мелочь, действовать осторожно... Если Марс сам нарвался, почему бы просто не показать всем этим псевдо-мятежникам, кто есть кто?

– С тобой все в порядке? – осторожно спросила Лавиния.

Она явно уловила, как сильно он напряжен. Рафаль не пытался это скрыть, он и сам не заметил, когда мысли о миссии напитались гневом и раздражением. Странно так... Прежде этого не случалось, не так быстро. Он и сейчас не мог точно объяснить, почему злится. Вроде как в задании не было ничего личного, но ему на секунду показалось, что Фратчак устроил все это, чтобы оскорбить именно его...

Чувство долго не продержалось. Рафаль просто сосредоточил все внимание на своей спутнице, и гнев быстро угас. Лавиния смотрела на него с искренней тревогой, она беспокоилась – подошла ближе, мягко коснулась его руки... Рядом с ней его собственная тревога казалась чуть ли не детским капризом.

– Да, я... Все хорошо.

– Я понимаю, почему ты злишься, – улыбнулась Лавиния. – Меня тоже бесит то, что устроили на Марсе. Они ведь не могли быть уверены, что Легион решит действовать точно и осторожно. Они подвергли риску такой чудесный город!

Город и правда был чудесный, с этим Рафаль не собирался спорить. Новый Константинополь изначально строили как единую композицию, а не дополняли отдельными домами и улицами, как старые города на Земле. Это позволило создать безупречный мегаполис: только белые здания, зеркальные стекла с голубоватым отливом, очень много зелени повсюду – на террасах, балконах, крышах и специальных платформах, парящих в воздухе. Благодаря этому столица казалась необыкновенно уютной, здесь очень легко было забыть, что большая часть Марса по-прежнему принадлежит пустыням.

Да и люди в Новом Константинополе селились в основном молодые, богатые и беззаботные. Они наверняка знали о восстании, которое устроил Совет Пяти. Но для них обычная жизнь не прекращалась, они будто не понимали, насколько все серьезно. Они обсуждали воен-

ный мятеж в кафе за покрытым пенкой кофе и прикидывали, сколько федеральных солдат уже убили, выбирая фильм для просмотра в кинотеатре.

– Мне всегда хотелось тут побывать, – признала Лавиния, тоже наблюдавшая за бело-зелеными улицами. – Только я не думала, что это произойдет при таких обстоятельствах... Знаешь, что? Давай закончим нашу миссию побыстрее и, пока остальные разбираются со своими, просто побудем здесь вдвоем!

Это вроде как невинное предложение, дружеское, совершенно нормальное... Но было во взгляде и голосе Лавинии нечто особенное, когда она произносила эти слова, обещание, понятное им обоим, от которого под кожей прокатывалась волна приятного жара... Рафалю потребовалось серьезное усилие, чтобы сосредоточиться на миссии.

– Сначала закончим, а потом решим, что делать дальше, – сказал он.

Пробраться в город незаметно было сложно. Ради этого войска даже устроили бой неподалеку от Марса – правда, в основном беспилотниками, но и это было рискованно сейчас. После таких усилий подставлять остальных, шатаясь по столице в форме легионеров, точно не стоило. Так что они заняли один из номеров марсианского отеля, никого ни о чем не предупредив – вскрыть компьютерную систему было не так уж сложно. Там они переоделись и здание покинули уже в таких же нарядах, какие предпочитали местные.

Теперь, когда Лавиния шла рядом с ним в коротком белом платье, она казалась даже младше своих лет, и забыть о том, что это боевая миссия, становилось так легко... Его спутница, словно уловив настроение Рафаля, еще и взяла его за руку.

– Для маскировки, – с насмешливо серьезным видом объявила Лавиния. – Пусть думают, что мы просто влюбленная пара!

– Да уж... Пусть думают...

Рафалю теперь тоже хотелось поскорее закончить миссию, чтобы получить те самые свободные дни в Новом Константинополе, о которых говорила Лавиния. Он даже был уверен, что проблем с этим не возникнет – пока они не добрались до башни Фрагчака и не увидели собравшуюся перед входом толпу.

– Это еще что такое? – пораженно прошептал Рафаль.

– Это идиоты, – мрачно ответила Лавиния. – Целое стадо непуганых идиотов.

Перед небоскребом проходил митинг – но не против восстания, а в его поддержку. Собрались здесь в основном молодые люди лет двадцати-двадцати пяти. Те, кто постарше, смотрели на них с укоризной и ускоряли шаг, чтобы побыстрее покинуть эту улицу. Но толпе не было до них дела. Рафаль чувствовал, что почти все собравшиеся здесь люди не трезвы – кто-то под действием наркотиков, кто-то по старинке пьян. Это еще больше разогревало их, заставляло орать погромче и поднимать плакаты повыше.

И плакаты эти, голографические, трехмерные, порой были совсем жуткими. Одни просто требовали оставить Марс в покое. На других были изображены окровавленные военные, убитые в первые часы восстания. Протестующие бодро обещали повторить это еще не раз, если к ним кто-то сунется.

Рафаль прекрасно знал, что у него уйдет минут двадцать на то, чтобы не оставить здесь ни одного живого человека. Злость снова разрасталась...

– Зачем они это делают? – напряженно спросил он. – Они же все дорого одеты, у них лучшая техника... Они были настолько несчастны?

– Солнце, ну ты иногда совсем ребенок! – рассмеялась Лавиния.

Злость, полыхавшая все сильнее, на миг распространилась и на нее, однако Рафаль быстро взял себя в руки. Лавиния ни в чем не виновата. Она на его стороне.

– И в чем же моя детская наивность?

– Да это просто толпа для красивой картинки! – пояснила номер 10. – Видишь, их всех снимают дроны, причем профессиональные операторские. Ну и толпа очень активная.

Насколько я поняла по разговорам на улицах, абсолютное большинство марсиан против этой заварушки. Поэтому Совету Пяти срочно нужно создать иллюзию того, что их поддерживают и все хорошо. Тогда уже недовольные не рискнут возражать, потому что сразу начнутся обвинения в стиле «Как ты можешь быть против свободы Марса!». Примитивная манипуляция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.